

Денис Гоголев

**Два года
ада, или
Как
ВЫЖИТЬ
в армии**

Денис Гоголев

**Два года ада, или Как
выжить в армии**

«Издательские решения»

Гоголев Д.

Два года ада, или Как выжить в армии / Д. Гоголев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907046-3

В этой книге вы не узнаете, как одевать сапоги и мотать портянки. Также здесь не будет написано про армейский устав. Слабонервным не желательно ее читать. Эта искренняя и правдивая книга о том, как можно не в силу своей воли оказаться в местах, где не только ты отдаешь долг своей родине, а проходишь через множество моральных и физических унижений, с которыми ты борешься. Здесь очень мало моральных принципов. Эта служба меня закалила на всю жизнь.

ISBN 978-5-44-907046-3

© Гоголев Д.
© Издательские решения

Два года ада, или Как выжить в армии

Денис Гоголев

© Денис Гоголев, 2018

ISBN 978-5-4490-7046-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кто-то позвонил в квартиру.

Я открыл дверь и увидел женщину, которая попросила расписаться, вручая мне повестку о явке в военкомат. Мне уже восемнадцать лет, и с небольшой отсрочкой из-за учебы в техникуме мне наконец ее вручили. Шестого января 1997 года в 6 часов 30 минут мне нужно было явиться с вещами в военкомат для отправки в Вооруженные силы Российской армии.

По коже пронеслись мурашки. Я долго смотрел на бумажку, именуемую повесткой для службы в армии, начиная осознавать, что через две недели моя гражданская жизнь закончится. К повестке я, конечно, был готов, только дату отправления оставалось узнать, что и выяснилось.

Но больше всего в это время меня волновали государственные экзамены, после сдачи которых я получил диплом текстильного техникума и – «прощай, учеба», считал себя самым счастливым человеком. Еще, конечно, не могло меня не радовать и то обстоятельство, что уходящие служить учились в техникуме на полгода меньше, чем остальные. Многие завидовали нам – диплом мы получали малой кровью, и я этим гордился. Учиться больше не хотелось, а хотелось начать новую эпоху в жизни – отслужить два года и начать работать, зарабатывать деньги.

Я считал, что без службы в Вооруженных силах путевку в хорошую жизнь мне не получить и на хорошую работу не устроиться. Военный билет для мужчины как второй паспорт, и в моем понимании он был одним из главных документов при трудоустройстве, хотя это, конечно, был миф. Да и перед друзьями-товарищами было неудобно, ведь уважением не пользовались те, кто не служил, к ним относились с презрением.

Настроение у меня изменилось после вручения повестки не в лучшую сторону. Навалился страх, так как дата уже была назначена.

В свои восемнадцать лет я уже успел научиться пить водку, трахать девок и стоять на учете в милиции за драку. Участковый милиционер знал меня в лицо и называл безобидным хулиганом. Вместо года я состоял на учете все два с половиной года до 18 лет, так как были у меня еще нарушения дисциплины. Ловили меня на крыше десятиэтажного дома в нетрезвом виде, ловили за распитие спиртных напитков на улице, забирали меня, шатающегося по улице в нетрезвом виде, в отделение милиции. Не поставили меня на учет в наркологию только потому, что там работала моя бабушка. Бумажки из милиции регулярно туда попадали, как только я попадал нетрезвым в отделение.

Детство у меня прошло весело – от спортивных школ до приводов в милицию. Был случай, когда нам, малолеткам, ночью захотелось пойти на кладбище выпить водки, и даже не водки, а спирта «Рояль», который в то время был очень популярен и стоил недорого. Как выпьешь его, так сразу голову сносит. В желудке происходит отравление, и везде блюешь, выворачивая все свои внутренности наружу. И какие козлы производили и выпускали в продажу эту отраву?! Сколько народу отравилось этим спиртом!..

Собралось нас пойти ночью на кладбище человек двенадцать. Кто-то, конечно, испугался и не пошел, мне же хотелось острых ощущений. Взяв магнитофон, под музыку группы «Сектор

Газа» мы пошли на кладбище испытывать свою смелость. Когда подошли к центральному входу на кладбище, еще трое, испугавшись, не пошли, а все оставшиеся, включив на всю громкость двухкассетный магнитофон, под песню «Сигарета мелькает во тьме» зашли на территорию и потащились вглубь кладбища к святым местам, к Братской могиле, чтобы почтить память участников и героев Великой Отечественной войны.

Не дойдя до святого места, мы выбрали ухоженную могилу с лавочкой и столом и начали распивать разбавленный спирт. В эту ночь мне не хотелось пить, и я, не помню по каким причинам, отказался и смотрел на все происходившее на трезвую голову.

Некоторым пацанам, а проще сказать – отморозкам, стало скучно, и, напившись, двое из них стали ломать памятники, вырывать ограды, крушить все на своем пути.

Что могли сделать нормальные ребята, которые пришли проверить свою смелость, а не заниматься вандализмом? Отморозков угомонили. Справедливости ради могу сказать, что один из них теперь не вылезает из тюрьмы, а другой отошел на тот свет. У меня просто в голове не укладывалось, как этот малолетний ублюдок, которого воспитывали родители (да еще ко всему у него папа военный), ломает памятники и ограды на кладбище, показывая, какой он герой. Ранее он уже отличался, когда избил пьяного молодого человека и пытался снять с его пальца печатку, которая не снималась. Тогда он решил отрезать палец ножом, но его оттащили и удержали от преступления. Через пару лет его на этом свете не стало. По словам тех, кто его знал, он выбросился из окна. Я в то время служил. Наконец мы, так и не добравшись до святого места – Братской могилы, собрались к выходу после всего выпитого, и это было к лучшему. От разных пьяных уродов, с которыми я был там, можно было ожидать чего угодно, – этого я не предвидел, когда шел на кладбище, и мне хотелось побыстрее уйти, хотя я так и не навестил могилу своего деда, участника Великой Отечественной войны, о чем я думал, когда шел в святое место ночью, хоть это была и бредовая идея моего недалекого разума. У меня в душе была очень сильная неприязнь к этому походу, и хотелось только одного – побыстрее добраться до дома. Было противно находиться в этой компании, и утешало только то, что некоторые испугались, а я не струсил и пошел вместе остальными. Я считал этот свой поход подвигом, потому что, переборов свой страх, ночью побывал на кладбище.

Проходя через центральный вход, мы увидели, как с мигалками и со скрежетом колес останавливались милицейские «бобики», то есть машины, и из них выпрыгивали сотрудники УВД. Все бросились в рассыпную вглубь кладбища. Я спрятался за какую-то кучу земли – наверное, это была бесхозная могила. Менты с собаками, освещая фонариками, искали нас. Еще немного, и я наложил бы в штаны. Хотелось даже сдать, но что-то меня останавливало.

Я лежал не шолохнувшись минут тридцать и проклинал этот поход. Вспомнил я за это время все: и как хорошо дома в кровати, и какие молодцы остальные пацаны, которые не пошли. Когда все успокоилось и милиция начала разъезжаться, я, дрожа от страха, стал пробираться ползком через могилы и ограды к заднему выходу с кладбища. Вдруг я услышал какой-то шорох и шепот. Я тихонько окликнул их. Это были двое наших. Им было страшно не меньше, чем мне, и рады мы были друг другу очень сильно. Мы теперь втроем выбирались с кладбища, перелезали через заборы, чтобы выйти в город с другой стороны. Когда вышли в город, мы уже могли прикинуться, что просто гуляем. Пройдя несколько кварталов, мы встретили всех остальных и стали, радуясь, живо обсуждать, кто куда убежал и как за кем гнались. Мы пошли толпой по тихой улице, на которой стояли деревянные дома. Шли очень шумно, да и магнитофон, опять включенный, играл очень громко. Мне очень хотелось отделиться от нашей компании и идти одному. Но пацаны бы меня не поняли, и, учитывая всю ситуацию, пришлось идти со всеми, чтобы не быть изгоем. Конечно, милиция каталась по кварталам поблизости от кладбища и искала нас, а мы, наивные, думали, что «сделали» ментов, и довольные, с музыкальным сопровождением, веселились, шагая домой. В метрах пятистах показался свет фар. Мы со страхом посмотрели на светящийся прожектор, быстродвигающийся в нашу

сторону, и побежали в разные стороны. Это был уже второй забег за эту ночь. Несколько человек перепрыгнули через забор чужого дома.

Я быстро бежал, не зная и не понимая куда. Увидев гору песка, я зачем-то за нее спрятался – наверное, ассоциации еще не утикли. Аналогично я спрятался на кладбище за кучей земли, и это меня спасло. В этот раз мне куча песка уже не помогла. Просто под ней никто из мертвых не лежал, и мне не фартануло.

Мне, конечно, надо было бежать дальше. Бегал я очень хорошо, и меня бы не догнали, только если бы не начали стрелять. Мент сразу увидел меня, сидевшего на корточках за кучей песка, и, подбежав ко мне, ударил ногой в область шеи. Я, перекувыркнувшись через голову, упал. Подбежал еще один мент, и уже вдвоем они меня дубасили руками и ногами. Это была первая жестокость в жизни, которую я прочувствовал на себе в шестнадцатилетнем возрасте. Меня избивали по-взрослому, и я не понимал, за что, так как считал, что плохого ничего не сделал. За то, что на кладбище был ночью и убегал, испугавшись, – вот за это меня избил слуги правопорядка и засунули в ментовский «бобик». Через несколько минут, избивая кулаками, засунули еще двоих вместе с магнитофоном. Одним из них оказался Юра, тот самый, что еще пару часов назад «геройствовал» на кладбище, ломая памятники и ограды. Юра, плача, просил отпустить его и говорил, что он вообще на кладбище не был. Стал им угрожать отцом – военным. Я сидел и думал, что из-за этой мрази пострадали все, в том числе и я, а он ревет в истерике, что ни в чем не виноват.

Нас привезли в отделение милиции, развели по разным кабинетам и стали допрашивать. Как выяснилось позже, Юру отпустили сразу, хотя и непонятно почему. Мне повезло, что я был трезв и моим показаниям вроде бы поверили. Написал я объяснение, что на кладбище ночью пошел по личным соображениям навестить могилу своего деда, а на вопрос, с кем ходил, ответил, что не знаю, где живут и какие у них фамилии, только знаю, как зовут.

Половину из тех ребят, с которыми ходил, я на самом деле знал плохо. Просто собралась толпа, которая захотела проверить себя на смелость. Следовательно сильно на меня не давил, видимо, чувствовал, что был перебор ментов, которые меня отдубасили. Ведь я был в синяках и ссадинах, и со мной беседа прошла в хорошей обстановке, даже чай предлагали, и отпустили под утро, пожав руку.

Я всегда по молодости тянулся к взрослым ребятам и считал себя крутым, так как старшие всегда за меня заступались. Я пытался быть похожим на них, старался быть по-своему справедливым. В кругу моих товарищей и друзей не было принято, чтобы избить кого-то просто ради развлечения, только чтобы «показать» себя. Все мы, конечно, уже в раннем возрасте выпивали, но с криминалом никаких у нас проблем не было никогда. До большего, кроме как разбить стекло, залезть на крышу дома или подраться в пределах разумного один на один, дело не доходило. В школе учительница истории предсказывала мне судьбу сидеть в тюрьмах, и, наверное, из-за этого я ее не любил больше всех. Но она ошиблась: с криминалом я никогда не был связан.

В школу я ходил ко второму уроку, мог без проблем прогулять все занятия и перебивался с двойки на тройку. Учителя на это закрывали глаза. Даже когда я на новогоднем «огоньке» в четырнадцать лет первый раз попробовал водку – а пил, чтобы не упасть в грязь лицом перед девчонками из своего класса, показывая, какой я крутой, – и послал директора школы на три буквы (я этого не помню, так как после ста граммов водки мой молоденький организм перестал меня слушаться), директор, швырнув меня в раздевалку, позвонил домой и сказал, чтобы меня забрали. По рассказам очевидцев, я успел облевать школу, свой класс, схватить за грудь одноклассницу, после чего получил по роже и, падая, опрокинул стол с едой. Когда мне стало плохо, я пошел на улицу и, упав в снег, вырубился. Увидев это, директор, чтобы я не замерз, потащил меня в школу. Вот тогда я и послал его на три буквы – перед тем, как он закрыл меня в раздевалке. Классный руководитель – она была хорошим учителем – убирала за мной блево-

тину в классе, а вся школа, проводившая «огонек», смотрела в окно раздевалки на меня, как в зоопарке смотрят на спящее животное.

В историю школы я, несомненно, попал, да простит меня классный руководитель Лидия Георгиевна. Ну а с бывшим директором Борисом Васильевичем я вижу частенько, которому спасибо, что не отчислил после этого случая, но на «огоньки» меня больше не приглашали и учиться дальше в 10 классе меня не пустили. Но при этом после окончания 9 класса я смог поступить в текстильный техникум и закончить его.

В техникуме я учился уже более или менее нормально и стипендию получал всегда. Я прекрасно понимал, что это мой практически единственный заработок, на который я хоть как-то мог прилично одеться.

Отец, исправно выплачивая алименты, нас не воспитывал и практически с нами не жил. Мама, работая в детском саду, одна растила нас с братом. В девяностые годы женщине вырастить двух сыновей было очень трудно. Кормились мы почти только одним огородом: что выросло, то и ели. Но то время коснулось не только нас, но и многих других в эти перестроечные времена. На воспитание у мамы времени не хватало, и воспитывала меня улица. В переходном возрасте я жил только по своим правилам и умел отделять хорошее от плохого. Никогда я не мог понять, когда всякие негодяи подходили с предложением закурить, или начинали избивать ни за что, или докапывались до парня с девчонкой. Наверное, человечность я получил от матери. В эти непростые для всей России годы мать тащила нас, как могла, во всем себе отказывая, – лишь бы вырастить двух сыновей.

В армию я уходил самым последним из всех своих товарищей. Многие, уже отслужившие два года, рассказывали о своей службе, объясняли, как поступать в разных ситуациях и не опуститься, быть настоящим мужиком, уметь постоять за себя.

В спортивном отношении я был подтянут: бегал, отжимался и подтягивался на «отлично». Со спортом я был на «ты». Бесследно спортивные секции – лыжи, борьба, футбол – не прошли даром. В школе и на улице я очень часто дрался, чтобы постоять за себя и считал, что отслужу достойно. Как только получил повестку и оправился от небольшого шока, я побежал на улицу всем хвалиться. Ну и не грех было это событие отметить. В этот день я пришел домой «на рогах» и с этого дня ушел в свои мысли.

Из жизнерадостного и веселого раздолбая я превратился в тень. Проводив 28 декабря 1996 года своего последнего товарища, которого ждала служба по блату в 20 километрах от нашего города Егорьевска, я понял, что следующим буду я. У меня блата не было, и поэтому я хотел только одного – не попасть в Чечню, Дагестан или на таджико-афганскую границу. Уж очень я туда боялся попасть.

Не заметил, как сдал государственные экзамены, и 31 декабря получил диплом текстильного техникума. Следующий 1997 год начался для меня тяжело, да и вообще в моей жизни он оказался адом. Сразу же, 1 января, я слег с температурой в постель, и почти не вылезал из нее до 5 января. Была возможность взять отсрочку, но это означало, что пришлось бы ждать еще полгода до следующего призыва, так как из тех, кому давалась отсрочка из-за учебы, мы уходили среди последних. Поэтому я решил идти, а болезнь я счел мелочью.

Самое обидное, что я в жизни болел редко. Чтобы, например, увильнуть от учебы в техникуме, приходилось есть сахар с йодом для повышения температуры или постукивать по градуснику в поликлинике для получения больничной справки.

Девчонки у меня своей не было. В то время я уже понимал, что два года – большой срок и лишние расстройтва на службе по поводу женского пола были ни к чему. Друзья бы описывали каждый шаг любимой, и меня это только расстраивало бы. За пару недель я со всеми девчонками разругался, а популярностью до этого пользовался у многих. Мне это, конечно, льстило, и я считал себя крутым парнем, потому что мог и на дискотеке потанцевать почти с любой свободной девушкой, и пообжиматься в подъездах. Главным козырем перед девчон-

ками был факт умения играть на гитаре, и я им пел песни в подъездах. Девчата были просто без ума от моих песен и, как мне казалось, считали меня своим кумиром.

Доармейский возраст – самый опасный для любого подростка. Могло занести куда угодно – друзья-товарищи били стекла магазинов, школ, а я был с ними, стоял, смотрел и вместе со всеми убежал. Поэтому участковый меня, видимо, и называл безобидным и беззлобным хулиганом. С возрастом начинаешь понимать, что все эти компании в малолетнем возрасте – никакие не друзья. В конечном счете кто-то из них отошел на тот свет, кто-то сел за убийство, кто-то за воровство. Их десятки, тех, кто пытался научить меня «дышать» клей, бензин, курить травку, пить чистый спирт, глотать колеса (таблетки), от которых становишься дурачком. Они пытались вколоть мне в вену спирт, от чего я категорически отказался. Мне хватило одного раза, чтобы больше эту дрянь не пробовать. Но покурить простых сигарет и выпить водки, вина я себе отказать не мог. Откуда деньги брались, даже не вспомню, но почти каждый день мы пили подпольную водку, которая в то время продавалась в каждом ларьке. У родителей я старался денег не просить, прекрасно понимая, что жизненный период был очень сложным, жрать было нечего. И работы никакой не было, чтобы заработать денег. Только была одна надежда – пойти служить и через два года спокойно устроиться на работу. На шее у родителей сидеть не хотелось, да и не позволяла совесть.

И вот наступили долгожданные проводы. Как я уже писал, сидел я на таблетках, периодически сгоняя температуру. Приехали родственники из другого города, пришли друзья. Семеро из них уже отслужили. Двое отслуживших воевали в Чечне и, к счастью, остались живы. У меня на проводах играли культовые песни: «Зимняя вишня» Анжелики Варум и «Тучи» «Иванушек». Пели мы и песни под гитару:

*Мама, не ругай меня, я пьяный.
Я сегодня пил и буду пить,
Потому что завтра утром ранним
Забирают в армию служить.*

*И не будет там со мною ласки,
И не будет всех твоих забот,
Старшина создаст свои порядки,
а «старик» салагой назовет.*

*И не будет там моей девчонки.
Мама, ведь она не будет ждать...
Отчего же мне не плакать, мама
Милая, родная моя мать?..*

Эта песня уже не один раз была мною спета в подъездах, на улицах. Но только сейчас от этой песни душа у меня разрывалась, так как она была именно к месту, на моих проводах в армию.

Было много тостов, и ребята давали советы, как себя вести со старослужащими и в первую очередь не опуститься до стирки носков. Все деньги, которые собрали на проводах, надо потратить до того, как привезут в часть, а одежду гражданскую надо изодрать, чтобы в части она была никому не нужна и ее не сняли старослужащие. Советов было много, я прислушивался к ним и делал свои выводы.

Весу во мне был 68 килограммов при росте 1 метр 82 сантиметра, телосложение худощавое. Амбиций по службе у меня было много. Я уже решил, что хочу стать сержантом и быть командиром – командовать личным составом.

На проводах в глубине души я ощущал себя самым несчастным человеком и считал последние часы до расставания с родным домом, с мамой и другими близкими родственни-

ками. Успокаивало только то, что многие отслужили и я как-нибудь отслужу – ведь я не хуже других, а два года в сапогах не смертельно.

Наступало утро. В шесть часов начали собираться в военкомат. Все разговаривали очень тихо – такое бывает на похоронах. Я надел старые брюки «прощай молодость», свой старый пуховик, очень теплый, драные зимние ботинки, свитер «бойз», весь в затяжках, который когда-то, года четыре назад, был модным. Мама собрала в вещевой мешок еду, и, осмотревшись в последний раз по сторонам, я проглотил две таблетки аспирина и вышел на улицу.

На улице было темно и холодно. Слышались вдалеке песни пьяных людей. Кого-то тоже провожали в военкомат. Чтобы не было слишком грустно, мы с друзьями обнялись и до военкомата шли с песнями. Все ребята, кроме меня, были пьяны, мне же в эту ночь водка в горло не лезла. Может, поэтому я так чувствительно ощутил свои проводы. Надо было, конечно, надраться до беспамьятства, как сделали это другие призывники, и почти не заметил бы расставания с родным домом.

Когда мы подошли к военкомату, то уже шумела большая толпа провожавших. Никогда я столько народу не видел, когда провожал других своих друзей. Я понял, что как только я зайду в помещение военкомата, то больше меня не выпустят попрощаться со своими в целях безопасности, чтобы пьяная молодежь не поломала и не перевернула автобус. Пьяные малолетки – это всегда самые опасные и непредсказуемые люди. Попрощавшись со всеми и пройдя сквозь пьяную толпу, которая оккупировала дверь военкомата, я встретил многих своих знакомых. Они провожали других призывников, прощались и со мной, желали удачи и мне.

Закрыв за мной дверь с внутренней стороны, военный показал, куда я должен пройти. Я увидел в классе несколько военных и сидящих за партами призывников, к которым и присоединился. После проверки всех нас проводили через черный ход и направили к автобусу. За забором шумели провожавшие. Было темно, и я не различал ни лиц, ни голосов, только поднял руку, сжав кулак. Несколько человек умудрились перелезть через забор и попрощаться – уже в последний раз.

Я, усевшись в автобус и упершись лбом в стекло, стал тупо смотреть в окно. Все другие призывники, усевшись, тоже стали смотреть в окна. Автобус тронулся. Как только ворота открылись, толпа ринулась долбить по автобусу, но через несколько секунд автобус оторвался от пьяных молодых людей, которые готовы были разнести в щепки наше транспортное средство.

Проезжая по своему городу, я мысленно прощался с ним на долгие два года. «Но, может, повезет и в отпуске побываю через годик...» – подумывал я, хотя, конечно, гарантий отпускных мне никто не давал. Когда выехали за город, на меня нахлынули слезы. Я уже точно осознал, что назад дороги нет – только через два года – и внутренне начал себя настраивать на службу.

Автобус ехал на призывной пункт в город Железнодорожный. Туда приезжали разные покупатели военных частей, которые и забирали призывников в разные военные части нашей страны. Пока играло вино в молодом организме, некоторым призывникам в автобусе было весело. Но мне, как и многим другим, было не до веселья. На лице каждого можно было прочесть, что творится у человека внутри. Я, чтобы как-то разрядить эту напряженную обстановку, крикнул: «Скоро дембель!» Ребята вместе со мной посмеялись.

Приехав на призывной пункт, мы вышли из автобуса, и повели нас в помещение для отдыха, где мы должны были находиться все время, пока за нами не приедут «покупатели». Мы заняли места на топчанах. Кому-то достался мягкий, а кому-то не повезло, и пришлось спать на твердом, практически на досках.

Едва мы заняли свои места, нас вызвали на построение, чтобы пройти медосмотр. Пока мы ждали медосмотра, к нам постоянно приставали солдаты, служившие на этом призывном пункте. Они просили денег, мотивируя, что все равно отберут, когда приедем в часть. Кто-то отдавал. Я уже сдружился с несколькими ребятами, с которыми приехал, хотя с половиной

из них был знаком еще на «гражданке». Вместе мы ходили в столовую, так как поодиночке к нам все время приставали служившие на призывном пункте.

После медосмотра мы втроем пошли в туалет. К нам уже присматривались двое военнослужащих на призывном пункте и пытались нас заставить убирать туалет. Отказавшись, мы получили по паре оплеух, но заставить нас им не удалось. Когда мы вышли из туалета, солдат потащил нас в комнату, сказав, что надо сфотографироваться на память. Я сразу отрезал, что фотографироваться мы не будем, так как знал, какие деньги они дерут за эти фото, присылая их на родину, а нашим родителям ничего не остается, как заплатить за них. Я решил побереечь деньги своей мамы и посоветовал сделать это другим. Тогда нас начали силой заставлять входить в кабинет. Я не помню как, но под каким-то предлогом я смог улизнуть от этих провокаторов. Фотографироваться в военной форме за большую сумму перед флагом я не хотел. Не те были времена чтобы раскидываться деньгами. Я помнил, как мама, когда фото моего брата пришло по почте, скрипя зубами их покупала.

Целых три дня мы торчали на призывном пункте и ждали, когда за нами кто-нибудь приедет. Наконец на третий день, вечером, нас вызвали на построение и назвали семьдесят человек, в том числе и меня, по фамилии. Капитан, который приехал за нами, почему-то внушал доверие. Он и сказал нам, что мы попадаем во внутренние войска МВД РФ в город Пятигорск. Многие, в том числе и я, не представляли, где этот город находится, и никто из нас не расстроился: хотелось побыстрее уехать с этого призывного пункта, тем более что срок службы еще не начал свой отсчет. Моих земляков со мной оказалось двенадцать человек. Нас было большинство. Остальные пятьдесят восемь человек были из Москвы и разных подмосковных городов.

Через несколько часов мы уже сидели в автомобиле «Урал» и направлялись на вокзал. Поезд «Москва – Минеральные Воды» отправлялся около часа ночи. Приехав на вокзал, мы разбрелись по магазинам закупать водку. Чтобы капитан ничего не заподозрил, мы выливали из бутылок минеральную воду и заливали туда спиртное. За эти два часа мы затарились по полной. Когда пришло время отправки, нас построили на вокзале и по фамилиям проверили. Трех человек не оказалось – успели сбежать. Немного расстроившись, капитан повел нас на поезд. Мы все, егорьевские пацаны, устроились рядом, чтобы быть вместе. Поезд тронулся, и мы начали доставать свои заначки. Капитан сказал, что можно выпить, так как понимал, что мы все равно будем пить, но предупредил, чтобы через тридцать шесть часов, когда мы приедем, все были трезвые, иначе у нас будут проблемы, которые он нам «устроит».

У нас из Егорьевска оказалась самая веселая компания. Два парня были просто юморные, и они скрашивали тоску по дому. Всю ночь мы в поезде пили водку и пели песню «Скоро дембель» Николая Расторгуева и группы «Любэ», хотя дембеля не было даже в мыслях видно.

Поезд остановился на остановке, и напротив нас стоял другой поезд. В другом поезде гуляла веселая компания. Они нам крикнули: «Эй, духи, мы дембеля и едем ваших девок трахать!» А мы им в ответ: «Мы ваших уже оттрахали!» Было смешно и весело, но, конечно, каждый был в себе, и мы таким способом друг друга подбадривали. Я окликнул своего земляка, с кем учился в техникуме, – Павла, с углового места: «Вставай, давай выпьем!» Но он вежливо отказался и опять ушел в себя.

Мне не хотелось заморачиваться мыслями о доме, и я себя всеми силами настраивал на хорошее настроение. Хорошо подвыпив, мы начали друг другу обещать, что будем «один за всех и все за одного». Если наших, егорьевских, будут бить, то сразу заступаемся за него и бьемся, с кем бы не пришлось драться, и, обнявшись вшестером, пообещали это друг другу. Были из Егорьевска и слабохарактерные ребята, которые не могли за себя постоять, и они как-то от нас отделились. Я для себя сбивал костяк из тех, которые показались нормальными мужиками и могли постоять за себя. Уже в поезде мне казалось, что мы, шесть-семь егорьевских призывников, подняли свой авторитет.

Не помню, как к нам подошел солдат срочной службы. Он возвращался из отпуска обратно в Чечню и много чего рассказывал, как он воевал, но из-за большого количества спиртного я ничего не запомнил.

Пришла ко мне только пьяная мысль, что надо солдату собрать денег, и побрел просить денег у призывников. Собирая деньги, я всем говорил, что они нам там не понадобятся, и деньги у нас старослужащие отберут, а солдату, которому еще полгода трубить, пригодятся больше. Собралась приличная сумма, и я от всех ребят, ехавших служить, отдал ему деньги.

Всю ночь и целый следующий день мы пили с перерывами на небольшой сон. Днем наш провожатый капитан еще раз предупредил, чтобы к следующему утру были все как огурцы. Мы ему дали обещание закончить пить вечером, и уже легли на вторую ночь спать. Утром нас ждал приезд в Минеральные Воды.

Проснувшись утром, мой земляк Петруха где-то уже успел надраться и пел песни Михаила Круга. Где он нашел водку, осталось загадкой, так как мы все осушили вечером. Скорее всего, он пил с кем-то в другом вагоне. Наш капитан был просто взбешен и даже его ударил, пригрозив ему сладкой жизнью в воинской части. Петруха лыка не вязал. Таким же его принесли в военкомат друзья после проводов. Нам, землякам, поручили за ним следить.

За час до приезда поезда в Минеральные Воды, как меня учили друзья на проводах, я стал свои шмотки резать лезвием. Рубашку изорвал, свитер и пуховик порезал. Меня друзья предупреждали, что на все хорошие шмотки будут охотиться старослужащие, а в гражданке можно в части проходить еще неделю, поэтому лучше ходить как оборванец, зато в тепле и никто не снимет. Я всем посоветовал это сделать. Кто принял к сведению и поступил моему примеру, а кто пожалел свою одежду. В конечном итоге я оказался прав, но об этом немного позже.

Денег у меня не осталось ни копейки, все потратил и отдал последние солдату, ехавшему дослуживать в Чечню. Никаким старослужащим их не хотелось отдавать, и с пустым карманом стало намного спокойней. Кто-то все-таки спрятал свои деньги, за это заплатились наши призывники, а они оказались для всех крысами.

Прибыл поезд в Минеральные воды, и мы начали выгружаться, взяв на руки Петруху. Мы, земляки, за него начали переживать, что получит он по первое число в части. Построившись на платформе, капитан нас пересчитал. По дороге в поезде больше никто не сбежал. Тогда нам капитан и объявил, что мы едем не в Пятигорск, а в город Моздок, практически на границе с Чечней. О Моздоке я уже слышал в разных сводках по телевидению. Этот город часто упоминался в сводках чеченского конфликта. Да и песню под гитару я такую пел: «На Моздок, на Моздок две вертушки улетают, дембелей у дверей командиры провожают...» и так далее.

Сразу к капитану появилось недоверие. Такой на вид хороший человек, а нас обманул. Но что капитан должен был сделать, рассказать нам, что мы едем в Моздок, и, возможно, через несколько месяцев нас отправят воевать в Чечню? Нас бы тогда не трое из семидесяти человек сбежало, а все семьдесят. Участь такая досталась капитану – обмануть нас, желторотых, необстрелянных ребят.

Юмора уже ни у кого не осталось. «Попали мы, пацаны, в жопу, – сказал я, – которая могла сниться в страшных снах». Капитан нас, конечно, успокаивал, что там чуть ли не курорт, но доверия капитану уже не было. Сели мы в электричку и поехали в город Моздок. Я Смотрел в окно и не видел никакой цивилизации. Только становилось все страшней. Все уже молчали, и сказать было нечего. Коленки дрожали. Несколько часов езды были самыми мучительными. Пронеслось за это время все детство воспоминаний. Сразу я вспомнил я о своей болезни перед проводами, из-за которой я мог взять отсрочку на полгода. Никому бы не позавидовал оказаться в шкуре призывника, ехавшего практически в горячую точку со мной. Военкомат – страна чудес: туда зашел и там исчез.

Через пару часов электричка нас доставила в город Моздок. Петруха, который был в задницу пьяный, за это время немного протрезвел. Нас уже ждали несколько машин «Урал», в которые мы погрузились, и повезли нас в воинскую часть.

Первая шоковая терапия.

Водитель «Урала» сигналил, и солдат нам открывает ворота. Въехав на территорию части, мы стали выпрыгивать из машины. Выпрыгнув, я начал осматриваться по сторонам. Стояли вокруг плаца несколько одноэтажных зданий, которые назывались казармами. В голове у меня было помутнение, как, наверное, и у всех. Мы были в центре внимания у всей части. На нас смотрели и смеялись, показывая пальцем. Нас построили в шеренгу, и какой-то старослужащий солдат или сержант нам крикнул: «Ну чего, духи, вешайтесь. Вы даже еще не духи, а запахи». Запахи – это призывники, которые прибыли в часть, но еще не приняли присягу. Капитан, который нас привез, посчитал и удалился, видимо, на доклад командиру части с нашими документами, и мы остались на плацу на растерзание старослужащим и сержантам.

Кто выбирал себе шмотки получше, кто требовал денег, кто рылся в наших сумках, периодически нас пиная за невнятный ответ. Все самое хорошее у нас забирали – была бесплатная ярмарка. Начинили уже снимать верхнюю одежду. Кто послушал меня и разодрал свою одежду, те остались в теплых шмотках, ну а кто решил по-своему поступить, заплатились за это. В январе месяце в Моздоке хоть и теплее, чем в Москве, но в среднем нулевая температура – это тоже холодно, да и когда призывник оставался в одной рубашке, было совсем не комфортно. Ответственный офицер заявил, что раз сами отдали одежду, ходите и мерзните, пока вам не выдадут форму. Я выглядел одним из самых оборванцев. Пух разлетался с моего пуховика в разные стороны, зато было тепло.

Ответственный офицер, который представился нашим командиром, проводил нас в казарму. Казарма уже была забита толпой солдат. Это были человек семьдесят, тоже из Москвы и Подмосковья, только приехали они на две недели раньше, чем мы.

Ответственный офицер показал наши кровати и объяснил, что на всех кроватей нет, поэтому на двух кроватях должны спать трое человек. Я почему-то оказался на самой крайней верхней кровати при входе в казарму. После нас повели в столовую кормить, выдав котелки. Несколько сержантов повели нас на прием пищи. Я немного стал осваиваться и стал небольшую инициативу брать на себя перед нашим призывом, как учили меня друзья на гражданке. Осмотрев котелок, я никак не мог понять как из него есть, разобравшись только с кружкой и ложкой. Спросив у сержанта на юморной ноте про устройство котелка, я сразу получил этим железным котелком по голове, но объяснить он мне объяснил.

По приходу в столовую нас стали осматривать старослужащие из других рот. Меня подзвал старослужащий. Ему издали понравились мои светлые штаны, но увидев на них пару больших дырок, он остался недоволен моими брюками. Простояв в очереди и получив свой обеденный паек, я сел за стол и начал разглядывать это дерьмо, которое мне наложили. Первое блюдо я немного похлебал, а второе я долго месил и смотрел на эту кашу, о которой слышал на гражданке от отслуживших своих друзей, как о самом противном блюде, под названием сечка, которым кормят в армии.

Проглотив одну ложку, меня чуть не вырвало в столовой. Удивительно, но половина наших призывников съела эту кашу. Мне было плохо на них смотреть, но, предложив свою порцию, все, кто сидел за моим столом, отказались, но предложенный мною хлеб расхватили. Попив какого-то напитка с неприятным привкусом, скорее всего добавили бром, нас подняли и повели обратно в казарму. Бром добавляли в армии для того, чтобы не было у нас сексуального влечения все два года. После обеда в течении часа из нас делали котлеты, долбили всем, чем можно, трясли деньги, проверяли все карманы и добивали, что осталось у нас еще ценное.

Из наших нашли одного спортсмена, который на гражданке занимался какими-то единоборствами, и устроили спарринг с одним рыжим сержантом, который отслужил всего полгода. Лицо у него было противное и мерзкое, но понтов очень много. Начали они драться. Он поддавался рыжему сержанту, но все равно выиграл этот спарринг, и это оказалось его ошибкой. Другие старослужащие его после очень сильно забили на наших глазах. Такой беспредел я увидел первый раз в своей жизни, но это оказались цветочки, а ягодки были впереди в моей двухгодичной службе. Это шоу не для слабонервных продолжалось до тех пор, пока дневальный, стоявший на тумбочке, не крикнул всех на построение.

Построившись, нас повели проходить еще один медицинский осмотр. По прохождению медицинского осмотра нас, каждого призывника, приписывали в разные учебки. Кого на радиста, кого в разведку, на водителя и, конечно, на сержанта. Сержантом предлагали стать и пройти сержантскую учебку более образованным призывникам, а то есть предпочтение отдавалось в первую очередь, кто окончил техникум. Институтских у нас просто не было.

Самое интересное, что предложили человекам десяти, и все отказывались. Кто ссылался на здоровье, кто еще называл разные причины. Спрашивая у всех отказников, почему отказались, все ссылались на большую ответственность и большой геморрой. Получилось, что из шестидесяти семи человек выбрали двоих – меня и еще одного призывника. Я был горд за себя, что мне предложили, и я не отказался ехать в учебку в Ростовскую область учиться на командира отделения. При прохождении медицинского осмотра при взвешивании во мне оказалось шестьдесят пять килограмм. Три килограмма я уже умудрился потерять – это при росте один метр восемьдесят два сантиметр.

После прохождения и собеседования нас повели на ужин. Поковырявшись опять, я так ничего и не съел. Я уже знал свой срок отправки в учебку. Через шесть дней я уже должен был попрощаться с Моздоком на полгода. После приема пищи мы разбрелись в казарме по своим местам и ждали отбоя.

Наступило десять часов вечера, и после поверки нас положили спать, трех человек на две кровати. Была очень сильная духота. Пахло вонючими портянками и носками.

После отбоя начались телодвижения старослужащих. Сначала нас стали поднимать и рассматривали шмотки, которые они не добрали. Я сразу вспомнил, что под брюками у меня были нормальные спортивные штаны, и я незаметно их стал рвать. Спали мы в своей одежде без одеял и подушек, и накрывался я своим пуховиком.

Подняв меня, старослужащий велел мне показать, что находится у меня под брюками. Увидев красивые спортивные штаны, он обрадовался и сказал снимать. Я, раздвинув ноги, показал ему здоровенную дырищу, которую я сделал несколько минут назад. Так я и остался в своих спортивных штанах. Конечно, было не жалко отдать и ничего не рвать, ведь через какое-то время нас оденут в военную форму, но, отдав штаны, я должен был мерзнуть, что очень не хотелось, а так я был в тепле.

Через некоторое время ко мне подошел еще один старослужащий, и тоже у меня посмотрел что под штанами. Ему понравились мои семейные трусы. И он меня попытался заставить их снять. Я, конечно, все предвидел, но никак не мог подумать, что как-то свяжется с трусами. Без трусов ходить в мои планы не входило, и я понял, что меня сейчас начнут бить, но подумал, если этот старослужащий солдат не брезгует даже трусами, значит, он чмошник.

Я ему говорю: «А тебе не запахло будет после меня сраные и ссанные трусы одевать?» После чего он злой, меня толкнув, сказал: «Иди на х... спать». Часа два нас поднимали и забивали последние хорошие вещи. Спать нам не спалось, и жалко было, что все мои земляки спали в глубине казармы. Я спал на самом краю. Кто со мной спали рядом, я их не знал, хотя и ехали вместе.

Старослужащие после сегодняшних наших поборов запаслись водкой, отправив в самоход в город за горячей смесью солдата. Я стал засыпать, но даже не понял, сколько проспал,

как начались крики пьяных старослужащих. «Запахи, уроды, вы чего спите?» – и нас начали поднимать по несколько человек, жестоко избивая.

Минут по пять, по десять, по очереди долбили наших с большой жестокостью. Били локтями, ногами, а один старослужащий заставлял раздвигать ноги и по несколько раз бил в паховые органы. Ребята падали, мучаясь от боли, а их лежачих добивали ногами и заставляли вставать, избивая заново. Мне было очень страшно, и я вспомнил про бога, в которого не верил. Накрывшись пуховиком, я начал молиться.

На кладбище ночью на гражданке, когда я убежал от ментов, было цветочками по сравнению с тем, что я пережил в первую ночь своего пребывания в части. Близилась очередь и ко мне, чем ближе от меня поднимали народ, тем становилось все страшнее. Я увидел, что вытащили Павла, учившегося со мной в техникуме. Его тоже стали жестоко избивать. У меня на душе скребли кошки. Заступиться за него этой ночью значило подписать себе смертный приговор. Когда подняли моего соседа по кровати, я уже понял, что мое избиение должно было быть с минуты на минуту, но мои молитвы не прошли даром. Из всех призывников не побили всего несколько человек, в том числе и меня. Меня отправили смотреть к двери, чтобы никакой офицер не успел зайти, пока всех остальных избивали.

Через некоторое время я чуть ли не другом старослужащих стал, которые периодически меня спрашивали, не идет ли кто. Простояв на стреме часа полтора, меня отправили спать. Эта ночь оказалась самой длинной за мою прожитую жизнь. В шесть утра дневальный прокричал: «Рота, подъем!» – и мы, одевшись, вышли на улицу.

Сержант, который, как мне показалось, был одним из самых правильных и, наверное, для всех примером в Российской армии, выгнал нас на зарядку. Таких, как он, я за всю службу встречал не много, которые могли выругаться и дать втык только за дело. А те, которые били нас ночью, чтобы позабавиться и показать, кто в доме хозяин, были полными отморозками. Первая зарядка меня совсем не напрягла, и сержант нас гонял хорошо, а я наблюдал одновременно за своими сослуживцами, как им было тяжело.

В спортивном отношении я многим мог дать фору. После завтрака нам сделали перекур, и мы обсуждали первую ночь, которую нам пришлось пережить. У многих уже были мысли побега из этой беспредельной части, и мы решили, что еще одна такая ночь и подадимся в побег. Единомышленников оказалось очень много. На улице было градуса два тепла. После этой ночи стало больше призывников без одежды, оставшихся в одной рубашке. Были даже оставшиеся без ботинок. Им на время выдали тапочки.

Мне объявили, что завтра мне уже выдадут форму из-за отъезда в учебку. В этот второй день мы были предоставлены сами себе из-за присяги других призывников, приехавших немного раньше нас. Они уже были одеты в военную форму. Мы практически целый день провели в казарме, общаясь между собой. Выводили нас только в туалет и на прием пищи.

Отдав присягу, другие призывники появились в казарме. Присяга ознаменовывалась как праздник для любого призывника, когда должны приезжать родители. Но какие родители поедут в Моздок из Москвы. Дураков родителей, конечно, не оказалось. И принявших присягу старослужащие начали переводить из-запахов в духи. Поочередно каждый снимал штаны, брал полотенце в зубы и получал от старослужащих по голой заднице армейским ремнем три удара, где выгравирована звезда на бляхе. На заднем месте у каждого сияло по три звезды. В тот момент я подумал тоже о своем заднем месте, что через несколько дней мне предстоит это тоже пройти. Ладно, задница все вытерпит, прикинул я.

Днем я как-то быстро осваивался и привыкал к армейским будням, тем более было столько земляков, с которыми мы дружили. Среди своих мы устанавливали уже свои порядки. За всю неделю я так и не взял половую тряпку мыть полы. Я еще не представлял, что я сделал самую большую ошибку, согласившись учиться на сержанта. И последствия моего согласия

я буду вымучивать все два года. Моздок оказался самым хорошим воспоминанием в своей службе.

Мой земляк Гарик отпросился в туалет по-большому, который находился на улице. Когда он пришел, то нас он хорошо рассмешил. «Я, – говорит, – снимаю штаны и сажусь на очко. Сажусь, и заходит какой-то старослужащий. Увидев мои шерстяные носки, надетые на мне, сказал снимать». Гарик говорит: «Сейчас я отосрюсь и сниму». Но он не захотел ждать, видимо, боялся, что кто-нибудь зайдет, и носки уйдут. Гарику пришлось, не закончив свой стул, снять ему шерстяные носки. Гарик нам рассказал в казарме свою историю, и мы катались со смеху. Вот так вот в туалеты ходить одному, и останешься без шерстяных носков.

Многих пучило от такой еды, и постоянно кто-нибудь отпрашивался облегчиться. Сержантам надоело проходить двор, и они нас перестали отпускать. Прошел где-то час, и запахло говном. Все начали друг на друга смотреть. Сержант крикнул: «Кто обоссался?» А в ответ тишина. Сержант пригрозил, что всех сейчас заставит снять штаны. Вышел Витек, тоже мой земляк, и признался. Посмеявшись над ним, Витька отправили в туалет. Витя был спокойный парень, и мы с ним даже не разговаривали за все это время, хотя знал я его по школе. Он как-то был сам по себе тихоней, и также по-тихому обделался. Я естественно съерничал и приколотся, что он осрамил наш Егорьевск вместе со своими земляками.. Но, конечно, в его шкуре мог оказаться каждый, в том числе и я. Мне тогда это не грозило, так как я ничего не ел, и за неделю в туалет по-большому ходил всего один раз.

Наступал ужин и ожидание ночи. Уже стемнело, и веселья опять поубавилось. Мы размышляли о предстоящей ночи. Нас старослужащие озадачили на деньги. Пригрозили, что если не найдем, то будем вешаться всю ночь. Я у всех переспросил по поводу денег, ни у кого ли не осталось в закромах. Никто не дал, ссылаясь на то, что отдали в первый день последние. Я шуткой сказал, что надо прятаться под кровать и спать там. Мне, конечно, прятаться было некуда, так как я спал на верхнем ярусе и с краю. Наступил отбой. Так как денег мы не достали, начали старослужащие поднимать, но уже выборочно. Избивали не так уже жестоко, как в первую ночь, видимо, были не настолько пьяные, но заставили сушить крокодила – это руками опираешься на одну дужку кровати, а ногами за другую и висишь. Не могу вспомнить, сколько мы висели, но первая ночь была более незабываемой и беспредельной. Деньги в конечном итоге нашлись, кто-то не выдержал и отдал, получив за это несколько ударов по телу. Эта ночь оказалась более спокойной по сравнению с первой, и даже мне удалось немного поспать. Многих пробирал сильный кашель, в том числе и меня, который сдерживать было невыносимо трудно. Пригрозили нам, что кто кашляет, тот получит по морде. Я уткнулся в пуховик и как мог сдерживал себя. Тех, кто не мог сдержаться, поднимали и били. Так прошла вторая ночь моей службы. Несколько солдат залезли под кровать, испугавшись после первой ночи.

На следующий день нас заставили убирать снег на плацу. На некоторых было жалко смотреть, зимой в одной рубашке они таскали глыбы снега. Одному из сослуживцев я отдал свой драный свитер, так как у меня оставался еще пуховик с рубашкой. Кто-то колол дрова, не помню зачем. Один из наших призывников захотел отрубить себе палец, якобы случайно, чтобы комиссовали, и не служить дальше. Видимо, от большого испуга он не смог ударить топором и перерубить его полностью. Получилось, что он отрубил себе самый кончик пальца на половину ногтя. Сразу начался переполох, все забегали и засуетились. Парня отправили в санчасть, а нас через несколько минут построили. Ответственный офицер нас жестко начал критиковать, что этот призывник, который рубанул палец, не домой поедет комиссованный, а грозит ему статья за членовредительство. Кто захочет попробовать этот эксперимент, то сразу поедет на нары, предупредил командир.

Начали мы дальше убирать плац от снега. Я немного сачковал и глыбы таскал через раз. Ответственный офицер меня сразу приметил и сказал: «Да ты, я смотрю, работать не любишь».

Когда приедешь из учебки, получишь сержанта, тогда и будешь командовать, а сейчас работай». Его слова до меня опять не дошли, и пришлось делать вид, что работаю. Если делаешь вид, что работаешь, не забывай потеть – это армейская поговорка.

После обеда и мытья котелков, мы какое-то время сидели в казарме до распоряжений командиров. Я подошел к сержанту, руки у меня были в карманах, и спросил: «Слушай, а можно письмо домой сейчас написать?» Сказано это было на гражданском языке. Рыжий сержант, ударив меня ногой по руке, которая была в кармане, прокричал: «Можно Машку за ляжку!» – и ударил еще ногой по шее. Немного отойдя от ударов, я про себя подумал, что лучше ничего не спрашивать, пока не научусь по уставу подходить с вопросами. Я сел на кровать и переваривал случившееся, когда увидел в нескольких пролетах, что старослужащий бьет моего земляка Петруху. Я сразу вспомнил о нашем уговоре «один за всех и все за одного» среди своих земляков, когда мы были героями, выпивая водку в поезде. Все смотрели это зрелище и молчали. Пересилив страх, я подошел и сказал, чтобы не трогали моего земляка. После чего Петруху оставили в покое и переключились на меня. Несколько старослужащих начали меня бить. «Ты душара поганая, ты чего о себе возомнил?» – кричал один, нанося мне удар в грудь. Как мне было обидно, что земляки это видели, и никто слова не сказал в мою защиту. Присев на кровать, у меня потекли слезы, что никаких друзей здесь и быть не может и каждый сам за себя. Кто никуда не лезет, меньше наживает себе проблем. Я сдержал свое слово, которое сказал в поезде, другие не сдержали.

В голове я начал все переваривать, что земляки – это не есть хорошо, и надо выживать поодиночке в первые месяцы своей службы. Ребята потом отмазывались, что если заступились бы за меня, было всем еще хуже, и, наверное, они были правы, но за слова, сказанные в поезде, их никто не тянул. Как-то, может, не придавал этому значение, и не посчитал это серьезным. Но что говорить о службе в армии, когда я за свою прожитую жизнь не нашел ни одного товарища, про которого сказал бы, что с ним я пошел бы в разведку. Сущность, видимо, человеческая такова – жить ради своей выгоды. И меня это всегда корбило с детства.

Близился вечер третьего дня. На вечерней поверке не оказалось одного нашего призывника. Он сбежал из части. Весь вечер вся часть с командирами стояли на ушах. Напрягали старослужащих и сержантов, что призывники могут убежать только из-за дедовщины. Третья ночь оказалась самой спокойной из-за побега призывника. Уже ночью мы были под контролем офицеров и контрактников, которые нас караулили. Ввели усиленный режим, и наконец я выспался этой ночью, если, конечно, можно назвать сном, когда спишь втроем на двух кроватях.

Следующим днем меня должны были одеть в военную форму. После завтрака меня с одним призывником, которых приписали в сержантскую учебку, повели на склад, и наконец я скинул свою гражданскую одежду, и надел военную форму. Ответственный офицер приказал рыжему сержанту помочь мне с пришиванием шевронов на форму. Дали на все два часа, так как вечером я должен был принимать присягу. Я начал уже подумывать о своей заднице, которой была уготована участь получить три раза солдатской пряжкой. Шить мне сержант, как надо, показал, но делал я это очень медленно, и ему пришлось за меня пришивать. Все призывники просто не верили своим глазам, что сержант пришивает мне шевроны на форму. И теперь я был укомплектован по полной, чем я был сильно горд, так как выделялся из своей толпы. Все призывники меня разглядывали. Шинель моя была очень не удобная. Кто ее придумал, не знаю, но зимой в ней холодно и некомфортно. Мозоли на ногах я уже натер за несколько часов из-за неумения наматывать портянки.

Вечером меня вызвали к командиру части принимать присягу. Присягу я принимал не по уставу. В кабинете у командира части я прочитал свою клятву, и меня поздравили с официальным вступлением в вооруженные силы на два года. Шагая в казарму, я настраивал себя на прописку старослужащими из запаха в духа. По приходу в казарму я заметил, что на меня из старослужащих никто не обращает внимание. Я забился в угол и рассказывал своим зем-

лякам, как прошла присяга. Мне очень сильно повезло, и я был рад, что моя задница оказалась не тронута. Оставалось мне переночевать в Моздоке две ночи, и ждала меня сержантская учебка.

В предпоследнюю ночь я перебрался спать к своим землякам. Освободилось одно место, так как одного земляка отправили в санчасть из-за высокой температуры. Постепенно я стал привыкать к армейской пище, и уже хлеб не отдавал, употребляя его сам, пытаясь впихнуть с ним и кашу.

Предпоследняя ночь оказалась тоже спокойной, и служба казалась уже не такой и ужасной для нас, молодых. В предпоследний день мы убирали плац от снега, и ответственный офицер уже меня назначил старшим. Служба начала идти на позитивной ноте, и уже заработав небольшой авторитет, я был этим очень доволен.

Последнюю ночь тоже пришлось пережить нелегко. Двое пьяных старослужащих трясли деньги на выпивку. Как ни странно, но после проверок зубных паст нашлось несколько купюр. Сколько мы страдали в первые дни из-за этих денег. Я спрашивал у всех ребят, есть ли у кого деньги и зачем нам нужны эти бессонные беспредельные ночи. Ко всем лично подходил и говорил, что деньги здесь нам, молодым, не дадут потратить. Отношение к призывникам, у которых нашли деньги, изменилось, и все их считали крысами. Столько получать от старослужащих из-за кого-то, кто спрятал деньги, и конечный итог, что деньги нашлись, а мы огребали после найденных денег по полной. Старослужащие после найденных денег немного успокоились и послали гонца за водкой в самоволку, но ночь моя последняя еще только начиналась.

Ночью опять началось шоу. Теперь пьяные старослужащие набирали себе во взвод призывников. Подходит старослужащий к кровати: «Эй, запах. Будешь в моем взводе служить? – призывник отвечает от страха, что очень хочет. – Тогда подъем», и начинает его избивать. И так трое старослужащих подходили ко всем. Когда подошли ко мне, то на их вопрос я ответил, что уезжаю в сержантскую учебку. Ударив меня по лицу, мне сказали «отбой». Я оказался первым нетронутым, кому повезло. Мои земляки, лежавшие рядом со мной, поняли, что можно тоже остаться непобитыми, и ответили примерно так же, как и я, оставшись целыми. Избивали всех до тех пор, пока не зашел в казарму офицер, который и спас остальных, до которых еще не дошло дело.

Утром после завтрака всю часть повели в городскую баню. Шли мы по городу строем, и я рассматривал этот город Моздок. Для меня было дико, что в городе я видел одни частные дома. Мне этот город напоминал больше подмосковную деревню. Я задавал вопрос себе, как же здесь живут люди. Раздевшись в бане, нас осматривал врач. На нас, на призывниках, на каждом втором были на теле синяки от побоев. Каждый объяснял, что синяки еще с гражданки остались, и списав на это вранье, нас отпускали. Но когда зашли другие солдаты, принявшие уже присягу, которых на наших глазах прописывали в духи, и у каждого на заднице светились по три звезды, начался допрос с написанием объяснительных. Этим старослужащим командиры грозились посадить, и я даже был доволен, что этим уродам, избивавшим нас, будет наказание. Я уже этого не застал, так как после бани меня вызвали и направили на построение уже с ребятами, которые уезжали в сержантскую учебку.

За пять часов до отъезда, после обеда, нас начали гонять строевой подготовкой. Выяснилось, что из пятидесяти человек я оказался самым заметным, который не умел ходить строевой. А где мне было научиться, когда меня, с кем я приехал, еще не учили ничему, а ребята, которые были в строю, уже по два месяца отслужили, так называемый курс молодого бойца прошли. Мало того, что они строевой умели ходить и ногу тянуть, так они еще уже на стрельбах были и стреляли из автоматов. За два часа строевой, как мне показалось, я уже ходил и не выделялся из толпы.

Перед отъездом нас посадили в свободное помещение с вещевыми мешками, и, сидя на полу, мы ожидали команды офицера. Разговорившись с каким-то солдатом, который расска-

зывал постоянно про своего отца и брал с него пример, рассказывая мне, как его отец служил. Мы с ним спорили на эту тему, что двадцать пять лет назад было другое время, и с нынешним не может быть никакого сравнения, но он мне твердил обратное. Когда я ему рассказал, что меня не били ремнем, и не переводили в духов, он с возмущением начал кричать, что я вообще еще даже не дух, раз меня не били пряжкой. У нас началась словесная перепалка. «Кто эти порядки придумал, переводить в духи – сами старослужащие для развлечения, а мы должны им подставлять свои задницы», – говорю я. Только он еще больше стал возбужден. Тогда я понял, что цивилизованного разговора у меня с ним не получится, и отсел от него. Только он кричал уже всем, что я чуть ли не враг народа. Мне уже хотелось подойти и врезать ему, но, подумав, я решил себе не создавать проблемы.

Через некоторое время пришел наш командир, старший лейтенант. Он нас построил и, посчитав с сержантами, сразу предупредил, что по приезду в учебку не дай бог кто-нибудь захочет обратно вернуться и не захочет там остаться, тогда его будут ждать большие неприятности. Я почему-то подумал, что хуже части в Моздоке ничего не могло быть, но очень сильно я ошибался, и командир знал, что говорил.

Посадили нас в машины и повезли на станцию. Пересев на поезд, мы двинулись в город Ростов-на-Дону. Ехали мы где-то около суток, может быть, меньше, но добирались долго. Я себя начал плохо чувствовать и даже не успел понять, когда и где я успел заболеть. Состояние было такое, что лишь бы где-нибудь полежать. Помню, что одну партию оставили в учебке Персьяновке, а остальную часть в тридцать человек привезли в город Шахты. Когда мы вышли из электрички, на которую мы сели в Ростове, то командир нам сказал, что несколько километров нам предстоит сделать марш-бросок бегом и пешим шагом. У меня было помутнение в голове. Мне было очень плохо и хотелось упасть прямо на снег. Сил никаких не было бежать и идти. Это был самый тяжелый марш-бросок за мою службу, когда я больной с температурой бежал со всеми в неудобной шинели, и на спине весел вещевого мешок.

В отличие от Моздока, в Ростовской области было очень много снега и холодней на десяток градусов. За некоторое время, которое для меня было вечностью, мы добрались до своего места дислокации. Наступил уже вечер. Было темно. Нам выделили помещение без кроватей, и мы расположились на полу. Питались мы своими недоеденными сухими пайками. В сухом суточном пайке были две банки с кашами, гречневой и перловой, сухари вместо хлеба, чай и сахар. Я подошел к командиру и попросил таблеток от температуры. Через несколько часов он их нашел, за что ему спасибо.

Мне было очень плохо, и как больному человеку самому до себя. Вспоминал я о своей постели дома, жить не хотелось в тот момент, хотелось сдохнуть и не мучиться. Скорее всего, у меня начались последствия, когда я, не долечившись, уехал служить. Эту ночь нам пришлось спать на полу в помещении, в котором нам довелось находиться. Вечером с нами заниматься никто не хотел для расформирования нас по ротам, и из главных командиров уже никого не было. Ждать надо было следующего утра. Хорошо, что наш командир раздобыл где-то спальные мешки.

Эта ночь была самой спокойной за мою неделю службы. В голову лезли разные мысли. Было одиноко без земляков, но утешало лишь одно, что через пять месяцев я должен был вернуться к своим в Моздок. Я даже и не мог подумать, что болезнь моя начавшаяся перевернет всю мою службу наперекосяк, и для меня будет очень серьезным испытанием, где хорошего было очень мало. Я считал, что через пять месяцев, получив сержанта, у меня начнется сладкая жизнь. Если я бы знал будущее свое, что меня ждет за эти два года, то я бы, не задумываясь, совершил суицид над собой, но спасало одно, что с каждым прожитым днем я надеялся на лучшее. С человеческими качествами очень тяжело прожить на службе. Как правило, верховодят в армии отморозки и ублюдки, у которых святого ничего нет, кроме матери на гражданке.

Сержантская учебка.

Наступило утро. Подняли нас вместо шести утра в восьмом часу. Отвели нас в туалет и умыться. Чувствовал я себя неважно и спросил у старшего лейтенанта опять таблеток. После водных процедур нас повели первый раз в столовую. Получив завтрак в котелок, я сел, и от одного вида еды мне становилось еще хуже. Весь мой завтрак вместе с хлебом ушел на драку собаку. Два куска хлеба сидевшие ребята за одним столом разделили на четыре части. Попив чаю, я начал разглядывать столовую. Ели и пили все в шинелях и шапках. Зрелище было ужасающее. Таких столовых я никогда не видел даже по телевизору.

После приема пищи и мытья котелков нас, наконец, повели в казарму. Казарма была двухэтажной, и на каждом этаже располагались мотострелковые роты, в которых мы должны были жить и служить. Нас привели на второй этаж казармы четвертой роты. Когда я зашел в помещение, то я услышал знакомую музыку, играющую на магнитофоне. Сначала пела Татьяна Буланова песню «Напиши». Немного музыка скрашивала одиночество, но услышав песню Анжелики Варум «Зимняя вишня», у меня потекли слезы. Повеяла ностальгия по дому, когда мы с друзьями включали эту песню по несколько раз и обнимались с девчонками.

Чтобы не забраковали в сержантской учебке, надо было пройти физический тест. Подтянуться не менее восьми раз и отжаться не менее двадцати. Я, ослабленный болезнью, осилил восемь раз подтягивания и двадцать раз отжался. После мне задавал капитан, будущий командир роты во время учебки, разные вопросы. Старший лейтенант, который привез нас, хвалил меня при капитане. Что я один из лучших и перспективных, приехавших из Моздока. Капитан меня поздравил с пройденным отбором и сказал, что я могу идти. Со словам «есть», я довольный вышел из комнаты.

Вскоре выяснилось, что взяли всех, кто изъявил желание проходить учебку. Взяли даже тех, кто не мог ни разу подтянуться. Перед приходом в казарму несколько сержантов, служивших здесь, сказали, что дергайте отсюда, и здесь полная задница, которую выдерживают не все, будете здесь вешаться. Двое наших человек устроили истерику, что не хотят здесь служить, и были отправлены обратно в Моздок. Мне тоже не понравилось в части сержантской учебки, но обратного хода уже не было. Как бы на меня тогда посмотрели ребята в Моздоке, когда им старший лейтенант сказал бы, что я расплакался и просился обратно.

После собеседования нас отправили в медицинскую санчасть на прохождение осмотра. Вес во мне уже шестьдесят два килограмма, что на шесть меньше, чем было на гражданке. После осмотра я, попросив таблеток, проводил вместе со всеми время в казарме, подшивая правильно по уставу подворотники и шевроны. В столовой я раздавал свой паек, выпивая чай или компот вместе с таблетками, курсантам. Теперь в учебке мы назывались курсантами.

В первую ночь на новом месте я проспал нормально, проснувшись только от крика дневального «рота, подъем». Быстро одевшись, нас пинками погнали на зарядку. Я бежал практически самый последний, и сил на зарядку никаких не было, едва поспевая за каким-то хроником, который, видимо, на гражданке никогда не занимался спортом. У меня же было много различных дипломов: по бегу, по футболу и разным другим видам. Все свое детство я проводил в различных секциях, пока не научился пить водку. Физкультура для меня была самым любимым предметом, который я никогда не прогуливал. Сержант нам приказал принять упор лежа, и под счет отжиматься: раз, два, три... восемь... двенадцать. Я уже одну заднюю ногу опустил на землю, и сил отжиматься у меня больше не было. Увидев, сержант, что я сачкую, ругаясь матом, ударил меня ногой в грудь. Ногу пришлось приподнять, и, выдавливая последние силы из себя, я продолжал отжиматься дальше. На счет сорок нам приказали встать, и на команду «бегом марш» мы побежали дальше. Для меня эта зарядка должна была показаться ерундой, но с температурой я очень сильно вымучивал эту зарядку.

Прибежав в казарму, мы должны были заправлять кровати, за что я получил несколько раз по лицу из-за неумения ее заправлять. Все уже многое умели в отличие от меня, так как я уже описывал, что призван был последним и не проходил курс молодого бойца. Приходилось всему учиться по ходу и смотреть на других. В первый раз мне один курсант помог застелить кровать. Полосы у одеяла, которые должны быть ровно застелены, у меня получались криво.

После завтрака меня наконец отвели в санчасть, обратив на меня внимание, что мне плохо и я сейчас упаду. Сержанту медсестра сделала замечание, что до какой степени меня надо было довести, заставляя бегать на зарядке при температуре сорок. Это была рекордная температура за всю мою жизнь, и без разговоров меня положили в санчасть.

В палате лежало три человека, и я оказался четвертым. Я сразу лег в койку, и медсестра приказала меня не поднимать ни на какие уборки старшим. Даже не знаю, сколько я проспал, но проснулся я от трех стуков за стеной. Естественно, я даже не понял, кому эти стуки предназначались. Через короткое время были уже удары в стену. В палате я находился один в это время. Уже через несколько секунд в палату вошел разъяренный сержант, хватая меня за одежду и сбрасывая меня с кровати. Он орал: «Ты душара б..., тебе чего не подрывается, – лежачего добивая ногами. – Я тебе устрою райскую жизнь здесь. Ты чего на меня х... забил?» – поднимая меня одной рукой, а другой со всего размаху по моему лицу прошелся ладонью. Я, отлетев на другую кровать, дрожащим голосом отвечаю: «Я... Я, да я просто не знал, и мне никто не объяснил. Я только сегодня сюда прибыл и не знаю ваших законов. Вы мне объясните, и я все буду выполнять». Тут зашел старший палаты, он, как потом выяснилось, был слонем – это отслужившие полгода. Сержант, избив и его, злой ушел к себе в палату. Старший моей палаты, отойдя от шока, стал мне объяснять, что в палате вас, духов, трое, и один молодой после ударов в стену должен быстро подорваться с кровати и бежать в сержантскую палату.

Времени прошло немного, когда послышались опять стуки. Я встал с кровати и пошел в сержантскую палату. Зайдя к нему, я уже получил другую порцию ударов за то, что не постучался и времени прошло от стука в стену до моего прихода секунд двадцать. «Ты, душара, ты на меня опять х.. положил, – ударив меня стопой ноги в грудь, и я распластался по двери, съезжая вниз. – Если еще раз ты на меня забьешь, то будешь вешаться, а сейчас взял тряпку и у меня на столе прибрался». Убравшись на его столе, где он жрал, я, уткнувшись в свою подушку, всхлипывал от жалости к себе. Мне было очень обидно, что я оказывался без вины виноватый.

Через какое-то время кто-то прокричал: «Всем на уколы!» Я, поднявшись и отстояв очередь, получил в задницу большой укол, после выпил таблеток и пошел обратно в палату.

После уколов появились еще два духа, которые были на уборке помещения. Опять стук в стену, и через пять секунд один уже был в палате сержанта, выполняя его приказания. Мы договорились, что бегать будем по очереди. Очень напрягало, что этому сержанту каждые-десять пятнадцать минут что-то было нужно. Покой от него был только тогда, когда он спал, и спали спокойно мы.

Начинался в санчасти обед. У меня появился аппетит. После одного укола и выпитых таблеток мне стало лучше.

Вечером после ужина, уколов и вечерней поверки начиналось шоу. К сержанту пришли из роты его друзья, и они распивали водку. Стуки были через каждые пять минут, и каждый третий раз я прибежал быстро в сержантскую палату, выполняя их требование. За один заход я получал по несколько ударов в разные свои места на теле. За несвоевременный ответ или за неправильное выполнение команды издевались сержанты над нами как могли. За стеной было все слышно, кому и за что досталось. Не в мою очередь духа отправили стирать носки, и я перекрестился, что доля выпала не мне, так как стирать пришлось бы отказаться, и неизвестно, что пьяные сержанты со мной сделали. Другой дух носки постирал и остался целым на некоторое время.

Вся ночь прошла у меня бессонная. Ударов в стену уже не было, и сержант храпел. Но от ожидания этих ударов в стену было страшно и не спалось. Тело у меня и так ломило от температуры, и получать удары в несколько раз было больнее, чем здоровому человеку. Всю эту ночь я обдумывал, как служить дальше. Однозначно, что при первой возможности я планировал выписаться из санчасти. Вспомнил я про своего брата, который уже отслужил свои два года, а я у него расспрашивал про службу. Как-то я у него спросил глупый вопрос, сколько ему доставалось по лицу за всю службу. Драться ему приходилось там часто, но он на этот вопрос мне сразу не смог ответить. Тогда я ответил за него: «Ну, раз пятьдесят получал?» Брат немного подумал и сказал, что примерно так. Я тогда думал, что ничего себе, столько вытерпеть, не армия, а полный беспредел, и хуже него я уж не должен был попасть. Он служил тоже не сладко, охраняя зоны, где третья часть из которых были дагестанцы, которым надо отдать должное, что они толпой становятся непобедимы. Друг за друга дерутся до последнего и в конечном итоге устанавливают свои, как правило, неуставные порядки. Наш же русский народ каждый сам за себя. За первый день в санчасти я уже успел отхватить раз сорок по лицу кулаком и несчитанное количество ударов ногами. Перечитываю сейчас эти строки пятилетней давности, и думаю – вот я сказочник, сорок раз по лицу, надо написать поменьше, чтобы поверили. Но начинаю вспоминать это время и понимаю, что я написал по минимуму, так как били чуть ли не каждую минуту. Сержанты били по уму и без видимых синяков, или в челюсть, или в заднюю часть головы, где за волосами синяков не было видно. Тело с головой все болело и ныло. Я себя настраивал на лучшее, что санчасть – это больше исключение, чем правило, и чем быстрее я отсюда выпишусь, тем будет лучше для меня.

На следующее утро после завтрака и медицинских процедур я уже стоял в коридоре вместе с остальными больными и был назначен на мытье полов в коридоре. Палату с больными, зараженными чесоткой, отправили на мытье туалета. У чесоточников туалет был стабильным местом для уборки, но я им завидовал. Их никто не трогал пальцем, и боялись все от них заразиться. На этот день, немного освоив закон духа, я получал в два раза реже, чем в первый день.

Кто летает быстрее мухи?

Это доблестные духи!

Я постепенно стал осваиваться. Температура держалась около тридцати восьми, но мне хотелось выписаться из этого дурдома к себе в роту. За стеной сержант постоянно напрягал, и вместо отдыха и сна я слышал постоянно удары в стену, а мы с ребятами считали, чья же будет сейчас очередь. На какой-то раз я решил в свою очередь все-таки забить на сержанта, притворившись спящим. Последовали удары в стену, а я не дергаюсь. Курсант, который стирал носки, побежал за меня и получил от сержанта порцию ударов за медленное выполнение команды. Мне это стало надоедать, и бегал я уже через раз. В конце концов, подумал я, кто он для меня, и он даже этот сержант не с моей роты. Через несколько дней я выпишусь и забуду про него окончательно, кто он есть.

Духу, стиравшему его носки, я сказал, ты стирал ему, вот и бегай, а я не буду. Сержанту было безразлично, кто прибежит, лишь бы выполнялись его команды быстро. Но пару раз сержант нам устраивал в палате мордобой, что за мою очередь сначала никто не бегал. После я стал спать спокойно, а за меня бегали другие.

Конечно, голова нормально еще не работала из-за болезни, как работала хорошо в Моздоке, но уже были кое-какие видны сдвиги. Аппетит в столовой у меня был хороший, и я просил добавку, которая перепадала мне через раз. Кроме меня, было еще очень много духов, с которыми приходилось воевать за ложку каши или за золотой кусок хлеба. Температура у меня потихоньку спадала. Видимо, уколы с таблетками хорошо помогали, и я уже считался работоспособным больным. Меня назначали на разные уборки, и в ночь меня поставили в график стоять дневальным на тумбочке у входа в санчасть по два часа с 20:00 до 22:00 и ночью с 02:00 до 04:00 часов.

После ужина я заступил на свой пост стоять на тумбочке у входа и следить, чтобы больные не уходили без разрешения. В это самое время начался проходной двор, только ходили не больные, а разные сержанты, приходившие навещать своих больных. Заходит сержант и мне говорит: «Эй, дневальный, найди мне сержанта Сокола». Я у него спрашиваю: «А в какой он палате лежит?» Сержант, ударив меня локтем в грудь, крикнул, что ему по херу, где он лежит, и мне две минуты его найти, бегом марш.

Я пошел пешком. Сержант мне: «Дневальный, ко мне». Я к нему – последовал удар ногой в почки и удар рукой в грудь. «Я не понял, – кричал сержант, – я сказал «бегом». Тут я уже побежал. Пробежав по коридору метров десять, пока сержант был еще виден, я пошел быстрым шагом к первой палате. Постучавшись в палату, я открыл дверь и спросил, не лежит ли здесь сержант Сокол. Сидели в палате несколько старослужащих за столом, пили чай со сладостями. Остальные были, видимо, духи, лежавшие по своим кроватям. Один старослужащий мне: «Упор лежа принять». Я команду, опешив, сразу не выполнил. Со всего размаху мне последовал удар кулаком в грудь. «Я кому сказал, душара, упор лежа принять», – закричал он. Я упал на руки и под счет начал отжиматься. На счет двадцать старослужащий мне крикнул убежать в ужасе.

Выйдя из палаты и закрыв за собой дверь, я, немного переведа дух, пошел обратно на тумбочку. Через несколько шагов я остановился, вспомнив, что у входа меня ждет сержант с выполненным заданием. Я повернул обратно в сторону палат. Прошло уже минут десять, а я сержанта Сокола еще не нашел.

Остановившись у другой палаты, я решался, как в нее зайти. На мое счастье, из этой палаты вышел дух, и я у него спросил про сержанта Сокола. Получив отрицательный ответ, я побрел к следующей палате. Постучавшись в следующую дверь и спросив, меня послали на х... По коридору прошел ефрейтор, служивший в этой санчасти, который был старшим над нами больными, спросил, что я здесь делаю, когда я должен был стоять на тумбочке. Я ему объяснил ситуацию, и он, на мое счастье, показал палату, где лежал сержант Сокол.

Постучавшись, я открыл дверь и дрожащим голосом из себя выдавил, что сержанта Сокола ждет на входе сержант. У сержанта Сокола фамилия была Соколов, поэтому за кличку я получил удар в челюсть и несколько ударов в лоб кулаком.

Выходя из палаты и прижав руку к губе, облизывая языком кровь, у меня потекли слезы. Я был везде без вины виноватым, как и другие духи. О справедливости никакой речи не шло. Я пошел стоять на свою тумбочку. Сержант, который приказал найти сержанта Сокола, уже зло ждал меня убивать за долгое его нахождение. Получив от него удар ногой в область плеча, на мое счастье, появился сержант Соколов, и они переключились на свой разговор.

Отстояв на тумбочке эти два злосчастливых часа, я отправился спать. Все тело зудело от побоев, жить не хотелось, и было себя очень жалко. Я оказывался во всех ситуациях беззащитным, и уснул я в каких-то кошмарах.

В два часа ночи меня разбудили, и я пошел стоять на свой пост, то есть на тумбочку. Эти два часа были спокойными, и все спали, а я даже спокойно написал письмо домой, что все нормально, что приехал из Моздока в сержантскую учебку, и полгода буду находиться здесь. Письма я писал через день, сильно скучая по дому, когда было время. Также я в этот день решил попробовать выписаться из санчасти. Температура у меня еще была, и держалась от тридцати семи до тридцати восьми. Простояв два часа на тумбочке и разбудив сменщика, я пошел досыпать.

В семь часов утра нас разбудили. В санчасти мы вставали на час позже, чем в ротах. После утренних процедур и уборки своих палат, я получил таблетки вместе с градусником. В присутствии медсестры я мерил температуру. Медсестра следила всегда за этим процессом, были те, кто просто косил и набивал температуру, чтобы не выписывали из санчасти. Я же наоборот засунул градусник в подмышку, запутав его в нательное белье так, чтобы к моему

телу он не прикасался. Температуры у меня никакой не показало, и я медсестре сказал, что чувствую себя хорошо и меня можно выписывать.

После завтрака меня отправили на выписку. Я был счастлив, что меня наконец выписывают, хотя чувствовал себя еще неважно, но мне хотелось выбраться из этой санчасти и попасть поскорее в свою роту к своим ребятам, хотя своих там и не было никого.

После выписки за мной пришел мой сержант и повел меня в роту. Пока он меня вел, я получил от него пару оплеух за неправильный ответ по уставу. Я немного улыбался, на что он мне в грубой форме говорил: «Оттащился в санчасти, теперь в роте будешь вешаться».

Поднявшись в роту, я увидел картину, что все духи отжимаются. Ударив меня в область почек, сержант мне крикнул: «Курсант Гоголев, бегом в строй отжиматься». Я побежал в строй и упал в упор лежа. Другой старший сержант, по фамилии Стамин, который нас качал, мне крикнул: «Курсант, ко мне». Я встал и подошел к нему, и он начал меня бить. «Тебе чего, разрешения спрашивать не положено?» – зло говорил он мне. Старший сержант Стамин был худощавого телосложения, но удары у него были больнее, чем у других. Глаза у него были как у монстра, и бил он без жалости. Я ему говорю, что не знал, что надо представляться. Надо мной все начали потешаться, даже духи моего призыва надо мной смеялись.

За эти четыре дня, что я пролежал в санчасти, курсанты моего призыва уже многое изучили и познали, а я был как будто инопланетянин, приземлившись из другого мира. Я ничего не знал, как себя вести, как обращаться, как выполнять команды, я был клоуном, над которым потешались сержанты, и тормозом для своих. Ни от кого я не получил ни малейшей поддержки, чтобы мне кто-нибудь объяснил. Сержанты не хотели мне ничего объяснять, потому что им было весело. Они меня долбили за каждую ерунду. Голова нормально перестала соображать и больное состояние у меня только ухудшилось. Ощущал я только на себе удары сержантов, и больше ничего не понимал.

После обеда у нас начались теоретические занятия. Сидя на стуле, голова кружилась еще сильнее. Я начал осознавать, что из санчасти я выписался рано, и мне очень хотелось лечь куда-нибудь. Глаза закрывались. Приложив руку к голове, я на несколько секунд вырубился, пока не получил сильный удар по голове каким-то предметом. Схватившись за голову, я корчился от боли, а сержант на меня орал нецензурной бранью. После я себя заставлял через силу не вырубиться еще раз. Санчасть мне уже показалась курортом, из которого я по собственной инициативе выписался.

После теоретических занятий всю роту повели на улицу, на бег на три километра. У меня было освобождение на три дня от физических нагрузок, но никто об этом не вспомнил, да и не любили тех, кто отлынивает от физических нагрузок. Я побежал со всеми, и после нескольких метров я почувствовал, что в левом боку у меня заломило. От каждого вздоха я получал сильный укол в левый бок. Схватившись за бок рукой, я, преодолевая боль, бежал одним из последних. Сзади меня, пиная ногами, подгонял сержант. Скрипя зубами, я выдержал этот трехкилометровый бег. Теперь я даже ходить не мог и постоянно держался за бок. Мой призыв, глядя на меня без жалости, говорил, что я косарь и специально симулирую, чтобы отлынивать от занятий. Я в свое оправдание отвечал, что у меня освобождение, а я побежал со всеми. Никого это оправдание не волновало, и каждый внутри себя наверняка это понимал, только виду никто не показывал. У всех была одна политика: я бегаю, и ты бегай вместе со всеми, и не важно, как ты себя чувствуешь. На душе было из-за этого еще хуже, что мало того, что сержанты потешаются, да еще и свой призыв без сожаления относят. Я бы рад был побегать здоровым вместе со всеми и показать, что я бегаю не хуже и даже лучше других, но здоровье мне не позволяло это сделать на данный момент.

Я раньше писал, что со спортивной подготовкой у меня на гражданке было отлично, и что касалось бега, я всегда был одним из лучших. Командир моего отделения сержант Валешин крикнул:

- Курсант Гоголев!
- Я.
- Ко мне.
- Есть.

Я строевым шагом подхожу к нему, прикладывая к голове руку, отвечая, что курсант Гоголев по вашему приказанию прибыл. Сначала он меня пнул за неправильный приклад руки к голове и спрашивает: «Что же ты такой калич, только выписался из санчасти и опять косишь?» Я ему постарался объяснить ситуацию, как я выписался, но он не мог понять, что лежал я с температурой, а держусь за бок и за ребра. Сразу он мне задал вопрос, били ли меня в санчасти. Я молчал. «Чего молчишь, сейчас за второй бок схватишься!» – кричал он мне. Я, подумав, рассказал все как есть, только фамилии сержантов я не назвал, которые и не знал я в принципе. При желании можно было назвать несколько кличек, как сержанта Сокол, из-за которого я получил самые болезненные удары в ребра от сержанта, который мне приказал его найти. Говорил, что не знаю, кто приходил и как его зовут.

После ужина оставалось два часа до отбоя. Как я ждал этого момента, чтобы прилечь к подушке. До отбоя было личное время, и оно предназначалось, чтобы подшить подшиву к кителю. За это время меня сержанты постоянно дергали. Они надо мной прикалывались, и им было весело, что я как будто с луны свалился и никак не мог догнать, что от меня требуется.

Сержантов было девять человек, и наша рота состояла из девяноста человек. В роте три взвода, каждый по тридцать человек. В каждом взводе три сержанта, которые принимали непосредственное участие в нашем воспитании. Во взводе три отделения, каждое по десять человек. Один сержант и девять курсантов. Я был прикреплен к первому взводу, и порядковый номер у меня был двадцать девятый. Один из самых последних. Это мне немного пояснил один из человеческих курсантов, который прекрасно видел, за что я получаю. Он немного стал мне помогать.

Этот курсант, по фамилии Вистоусов, и стал моим первым товарищем, с которым я стал общаться. Он вырос в деревне, и первый раз в жизни поехал на поезде, только когда поехал служить в армию. Отношение других курсантов к нему было не особо хорошее. Менталитет чувствовался деревенский, только из большой глубинки. Парень был хорошим человеком, без подлостей, но немного чудноватый для меня. Одна у него была большая слабость, что всегда ему хотелось есть, и ничего он с этим не мог поделать. Кушать, конечно, всем хотелось, но не до такого фанатизма, как ему.

Порядковый номер 29, самый последний, я получил только из-за того, что пролежал в санчасти четыре дня, а остальных оформляли и клеили бирки на кровати, на тумбочки, в КХО (комнате для хранения оружия), и меня занесли последним с этим последним номером, из-за которого я сразу начал сильно страдать. Двадцать девятой кровати практически никогда не было, так как на ней спали ответственные офицеры в канцелярии, и меня клали, где было свободное место, а то есть на чье-то место, кто отсутствовал из-за болезни в санчасти. Инвентарь, который мне прилагался, тоже был весь бракованный. Вещевой мешок был рваным, бронжилет был самым неудобным и тяжелым, каска без ремешков. Короче, досталось мне все самое плохое. Скорее всего, когда инвентарь закрепляли за курсантами, в отсутствие меня, самое хорошее добрали у меня, а все дерьмо досталось мне. Я чувствовал себя ущербным, но, как говорится, кто последний, тот отец.

После вечерней прогулки, которая заключалась в хождении по плацу с песней строевым шагом, и вечерней поверки прозвучала команда «рота, отбой». За несколько секунд все быстро разделись и улеглись по кроватям. Для сержантов это показалось медленно, и несколько раз мы подрывались на команды «подъем», «отбой». На раз пятый от нас отстали. Эта процедура проходила каждый день, и к ней все привыкли.

Наконец все утихло на какое-то время. Очень тяжелый выдался этот день. Я себя корил, что не остался лежать в санчасти. Там хоть уколы делают, и таблетки дают, и никаких физических нагрузок. После проведенного дня в роте я понял, что санчасть была раем, из которого я сбежал. Надо было как-то выживать, а чтобы выжить, надо было сначала вылечиться. И помочь мне могла только санчасть, в которую мне надо было попасть. С этими мыслями я и уснул.

Через пару часов от крика сержанта по фамилии Моляров «взвод, подъем!» пришлось вставать. Другие два взвода спали и, конечно, нам не завидовали. И по службе в учебке нашему взводу всех больше не везло, особенно ночью. Поднимали наш взвод чаще других. Сержант Моляров был в наряде дежурным по роте в этот день, и ему, видимо, было скучно. Подняв нас, первое, что он сделал – приложился своим кулаком каждому по очереди в грудь. Мне досталось за один проход по шеренге три раза. После его размаха кулака, как бы я себя не заставлял, мои руки пытались защититься блоком. Сержанту это очень не нравилось, и он кричал мне: «Руки свои оборви!» На третий раз я сонулся, и он от меня отстал. Всем крикнул: «Упор лежа принять!» – и мы упали. Часа два мы отжимались, а я периодически падал на пол. Руки меня не держали, и в боку ломило. Сержант крикнул мне: «Курсант Гоголев, встать. Раз ты не можешь отжиматься, тогда считай, чтобы другие отжимались». Я стоял и не знал, что делать. Сержант сказал, что пока я не буду считать, то все будут стоять на руках в упоре лежа до самого утра. Я начал соображать, что здесь какой-то подвох. Курсанты, изнемогая, кричали мне, чтобы я считал. Я подумал, что здесь ничего такого нет, да и ребят надо было выручать, и начал считать. Один из курсантов крикнул мне, что я козел, и я начал понимать, что я на провокациях сделал большую ошибку, когда начал считать.

Я никогда ни от кого не слышал, что это последнее дело – качать свой призыв. Ребята сами кричали, чтобы я считал, и я хотел выручить их, но получилось, что я подставил самого себя, не подозревая об этом. Я опять упал в упор лежа вместе со всеми и сказал, что не буду считать. Сержант, подняв меня, начал бить и заставлять меня качать своих. Я уже ни в какую не соглашался. Это клеймо на мне висело всю учебку. Половина ребят прекрасно понимала всю ситуацию, что это была подстава, а остальные, кто хотел меня уколоть, считали меня козлом и чмошником, а сами по службе доказывали, что этот мой прокол – цветочки по сравнению с их поступками. Тяжело мне тогда было ориентироваться в полуобморочном состоянии. И если мне в тот момент дали петлю и сказали повеситься, то я бы не задумываясь, сделал это.

После отжиманий и морального моего унижения, сил у меня ни осталось никаких. После команды «отбой» в три часа ночи я сразу вырубился. В шесть утра дневальный прокричал: «Рота, подъем!» – и быстро одевшись в форму, мы выбежали на зарядку. На зарядке мои мучения продолжались, и после завтрака старший сержант Стамин соизволил сказать медсестре, чтобы она меня проверила и пришла в роту. Температура на градуснике показала за тридцать восемь градусов, и медсестра повела меня в санчасть. Я прекрасно понимал, что это мое спасение, и лечь в кровать для меня было большим счастьем.

Санчасть разрасталась, и больных было все больше и больше. Сержант, который долбил в стену, и мы бегали по стукам, уже был выписан, и в этот раз меня положили в палату, где лежал другой сержант. Он лежал с ногой, и никого утешения по виду не производил. Мне уже было все равно. Уж лучше лежать в кровати и получать по морде, чем получать в роте и выполнять физические нагрузки в больном состоянии.

За один день в роте я получил столько отрицательных эмоций, что в роту уже мне не хотелось. Наплевать мне уже было на звание сержанта и на должность командира отделения, которая давалась после окончания учебки, если сдаешь все нормативы. За восемь дней, которые я провел в санчасти, увидел много чего. Кто косил под дурака, выходил в коридор и кричал на весь стационар с лезвием в руке, что вскроет вены. Его связали и отвезли в психоневрологический диспансер на проверку. Через пару месяцев он уедет домой. Дуракам не место служить в армии. Несколько человек на моих глазах жрали хлорку, чтобы получить язву и комис-

соваться. Про них я так ничего не узнал. Я держался, как мог, и настраивал себя на позитивный лад. Здоровье дороже.

Я, наконец, узнал сладкий вкус черного хлеба, который выкидывал на гражданке. В кровати под одеялом я ел этот хлеб с таким удовольствием, который затарил после обеда.

Казалось, что я шел на поправку, но в одно прекрасное утро после завтрака на построении на уборку у меня в боку так заломило, что я по стенке сполз вниз и, упав на пол, корчась от боли, просил позвать медсестру. Добрые ребята высказали свое мнение, что я кошу и хочу отлынить от уборки территории санчасти. И только я один, лежа на полу, понимал, что могу здесь подохнуть. Дышать я нормально не мог, и от каждого малейшего вздоха мне становилось все хуже.

Медсестра сделала мне укол и отправила в кровать. Полежав пару часов, мне стало немного полегчало. Еду мне приносили уже в палату. Главный врач после прослушивания выписал направление в госпиталь.

На следующий день меня и еще несколько человек на автобусе повезли в военный госпиталь. Ехали мы около часа, и я вспоминал гражданку, мечтал о том, как я покупаю большую партию сладких рулетов, и я их ем. За час езды на автобусе я в бреду мечтал о сладкой жизни.

Приехав в госпиталь, медсестра ушла договариваться о нашем обследовании. Нас человек шесть стояло возле автобуса.

Меня подозвал какой-то парень и повел в баню. Я, наивный, ничего не подозревая, пошел с ним. Когда я зашел в баню, то меня ждали еще трое. Один говорит: «Снимай берцы и одевай другие». Теперь я понял, для чего я им оказался нужен. Я пошел в отказ, и меня начали бить. Я измазал раздевалку бани в крови, а они все от меня не отставали. Поняв, что я не сниму берцы, меня стали держать трое человек, а четвертый снимал с моих ног силой. Сняв берцы, они мне подсунули старые, которые были на размер меньше. Большой палец ноги очень сильно болел из-за маленького размера ботинок. Умывшись в бане, я вышел из нее шатаясь. Шатало меня в разные стороны после очередных побоев.

Вышел откуда-то сержант, которого взяли на обследование в госпиталь вместе со мной из санчасти. Он уже был одет в сапоги. Было непривычно видеть сержанта в сапогах. Он молчал, и было понятно, что с него тоже сняли берцы. Я у него спросил про его берцы, но вразумительного ответа не получил. Только было видно, что лицо у него было нетронутым в отличие от моего. Этот сержант, который лежал в моей палате и пальцы гнул перед молодыми, отдал кому-то свои берцы, как последний лох. В сапогах на него было смешно смотреть. Я воевал за свои берцы, будучи духом, а сержант, который отслужил год, отдал их без проблем, на которого мы смотрели с высоко, и в палате заставлял нас отжиматься, периодически пиная.

Сержант, посмотрев на мои убогие берцы, предложил мне поменять на свои сапоги. Сапоги у него были новые в отличие от моих ботинок. И потом, у нас ребята в роте больше половины были в сапогах, и из Моздока я приехал в сапогах, только вот я не понял, что мой сержант Валешин принес перед отправкой в госпиталь мою форму, а вместо сапог берцы – видимо, перепутал.

Я не задумываясь поменялся с сержантом. Отдал ему берцы и надел сапоги. Сержант эти берцы еле надел. Размер ноги у него был таким, как у меня. «Обратно в часть приеду и сменяю их на другие», – оправдывался он.

После обследования мы ждали результаты снимков флюорографии. Через некоторое время произнесли две фамилии из шести, которых оставляли в госпитале. Одна названная фамилия была моей. Как я понял, у меня нашли воспаление легких. Меня повели на склад сдавать свою форму. Пока я стоял и ждал своей очереди сдать форму, ко мне подошел сержант, который, скорее всего, служил в этом госпитале: «Пойдем поговорим», – и зовет меня в туалет. В туалете он меня стал заставлять отдать ему мою форму, показывая, какая у него хорошая форма взамен моей. «Она мне просто маленькая», – говорил он. После моих отказов он меня

начал долбить кулаком в грудь. Я понимал, что еще несколько ударов, и я просто не выдержу. Меня всего колотило, было не до того, и хотелось упасть в кровать. Я, посмотрев на форму, которая мне показалась не такой плохой и была не рваной, решил поменяться, лишь бы больше меня никто не трогал.

За эту форму я буду таких наказаний получать, что я и подумать не мог на данный момент, что я сделал. Самое интересное, что куда на это все смотрели офицеры, ответственные за нас, за молодых. Избили и сняли берцы в бане, и на складе рядом со мной никого не оказалось. Сдав поменянную форму на склад, и кладовщик все прекрасно видел, а может, и в доле был с этим сержантом, выдавая мне больничное белье, который после отвел меня в кабинет к медсестре, которая и проводила меня в палату.

В палате лежало пять духов и старослужащий, солдат, отслуживший год. Он был очень здоровым и большим, в грубой форме спросив меня: «Ты откуда взялся, дух?» Нас, молодых, было отличить очень легко, и все мы были зашуганные и потерянные. Я ему ответил, что пришел из сержантской учебки. Он мне: «Будешь меня здесь слушаться, и я здесь старший». «Как надоели эти старшие, которые устанавливают свои порядки», – подумал я и ответил: «Я вижу, что вы старший». Старослужащий мне:

– Иди сюда, ты, урод, еще будешь так отвечать, сгною тебя здесь, – ударив кулаком по моему лицу.

– Ты меня понял? – кричал он.

– Понял.

– А теперь убежал в ужасе.

Так гостеприимно меня приняли в палату. Медсестра меня вызвала в кабинет. При взвешивании во мне оказалось пятьдесят семь килограмм. За три недели я умудрился сбросить одиннадцать килограмм при росте один метр восемьдесят два сантиметра. Были одни кости. Прележав в палате два дня, чувствовать я стал себя еще хуже. При взвешивании во мне оказалось уже пятьдесят пять килограмм. За два дня я еще потерял два килограмма. По лестнице я спускался, держась за перила, и кружилась сильно голова. В какой-то момент я упал и потерял сознание. Не знаю, как быстро меня откачали, но в сознание я пришел уже у себя в палате, когда медсестра вставляла иголку в вену. Два раза в день мне делали капельницу.

Аппетит у меня был очень хороший, есть хотелось постоянно. Из-за недобора веса мне выписывали полуторные порции. Питались мы не в столовой, а приносили нам пищу в палату. Полуторной порции мне не доставалось. Старослужащий забирал ее себе, а я ел одинаковую со всеми. На очередном медосмотре при взвешивании я весил пятьдесят три килограмма. В день я скидывал по килограмму. Медсестра дала мне яблоко и две конфеты и наказала кушать у нее в кабинете. Я съел яблоко вместе с огрызком и две конфетины. Отправившись в палату, я шел и думал, что какая хорошая и добрая медсестра. Наверное, в то время я производил впечатление жалостливого человека.

Пять дней я лежал под капельницей. Шесть раз в сутки мне делали уколы: четыре в задницу, два в руку. Лежа под капельницей, я вспомнил о своей круглой дате, 9 февраля – ровно месяц, как я служу в армии. После капельниц я стал себя чувствовать лучше.

Появлялись другие старослужащие в других палатах, и становилось в палате жить несладко, всех нас, молодых, долбили. Один старослужащий делал себе какой-то альбом, может быть, и дембельский, и я предложил ему свои услуги, переписывать разные сленги. Вроде как при деле и никто не трогает.

Через десять дней меня переводят в центральный госпиталь из-за улучшения самочувствия. В огромном помещении уже лежало порядка ста человек, и много из них было старослужащих с разными болезнями. Нас контролировали солдаты срочной службы. Лежать и спать здесь можно было не так часто. Все было по расписанию. Подъем, уборка, прием пищи, уколы. Все свободное время мы занимались уборкой. Также трое старослужащих по несколько раз

в день выстраивали нас, молодых, и долбили в грудь. За одно построение попадало кулаком раз пятнадцать. Грудь опухала, и с каждым ударом в одно и то же место боль становилась невыносимая. После очередного избития я не выдержал и сказал, что у меня вся грудь синяя, и бейте куда хотите, только не в грудь.

От такой наглости старослужащий опешил.

– Ты чего, дух, совсем оборзел? Придумывай теперь себе сам наказание, – грозил мне старослужащий.

– Я умею петь под гитару много песен, – говорил я.

– Это что, наказание? Хотя ты нам пригодишься, пойдем, – и повел он меня к своим кроватям.

Я пошел к их кроватям, гитары не было, и пришлось петь без гитары. Песен пел много разных. Было непривычно петь без инструмента, но ничего поделать было нельзя. Каждый день я для них пел песни. Меня освобождали от уборки, и самое главное, что меня больше никто не трогал. Я был уже любимчиком для старослужащих.

Петь песни мне доставляло удовольствие. Попоешь полчаса и к себе в кровать, когда все убираются. Плохо было одно, что всегда хотелось кушать. Кормили в госпитале очень хорошо, но было очень мало. Из полторщиков меня убрали. Скинуть надо было еще килограмма два-три. Здесь своих хроников хватало, и немало. Из-за того, что очень хотелось есть, я пытался пробиться в наряд по столовой. В наряд по столовой ходили более здоровые ребята, у которых закончился курс лечения с уколами. У меня этот курс заканчивался, сидеть я уже не мог от этих уколов. Все уколы болезненные, и за сутки по шесть уколов, через каждые четыре часа, которые принимала моя задница вместе с рукой.

После двадцатидневного курса с уколами я попросился в наряд по столовой и сказал, что чувствую себя хорошо, но температура у меня периодически поднималась. Старослужащие этим были недовольны, так как им нравились мои песни, и петь было некому. Но мой голод превышал желание старослужащих, и столовая для меня была главной целью. 21 февраля я должен буду заступить в наряд по столовой. А в сегодняшний день, 20 февраля, мне исполнилось девятнадцать лет.

Как ни парадоксально, но меня в этот день за какой-то залет отправили убирать туалет и еще толчки скрести лезвием (по армейскому жаргону говорилось «очки скрести»). Старослужащие за меня заступаться не стали из-за якобы предательства, ухода в наряд по столовой. Нам, троим молодым, выдали по лезвию. Двое молодых начали убирать и скрести, а я стоял и ничего не делал. Увидев мое безделье, солдат, служивший в этом госпитале, меня начал бить. «Ты чего, душара, совсем страх потерял? Я тебе сказал, бегом очки драить», – кричал солдат. Я ему сказал, что делать мне это запаadlo, и вообще у меня сегодня день рождения. Сильно бить он меня, видимо, побоялся из-за моей болезни и, отпустив остальных, мне говорит: «Через десять минут я прихожу, и они должны блеснуть». Я остался один с туалетом. Прошло минут двадцать, и я самовольно ушел из туалета, ничего не сделав.

Примерно через час он меня разыскал, а я ему тупо говорю: «Я все сделал, а вас долго не было, и я ушел, подумав, что вы про меня забыли». «Я там сейчас был, и порядка хорошего не видел», – ударив меня в грудь, солдат потащил меня обратно в туалет. На мое счастье, дневальный крикнул на построение, и он от меня отстал.

На следующий день рано утром я пошел в наряд по столовой. Лежать в кровати и спать я стал меньше из-за работы в столовой. Рано утром вставал и поздно вечером после отбоя приходил. Никакая работа не была сложной, лишь бы быть всегда сытым. Закидывал я в желудок все подряд, и потом меня сильно мучила изжога. В день с чаем я съедал по десять-двадцать кусков хлеба с маслом и сыром.

Чувствовались у меня улучшения на поправку в организме. Постоянно какие то старослужащие меня напрягали, чтобы я им сделал пожрать. Мне это сделать было не в напряг, ради наряда по столовой и чтобы не быть голодным.

На 23 февраля, в день Российской армии, всем выдали праздничный обед: шоколад, печенье и сок. Шоколад в наряде по столовой у нас, молодых, сразу забрали старослужащие, но печенья с соком нам обломилось очень много. Целый день я пихал это печенье в себя, запиная соком. Небольшой праздник для меня почувствовался за все дни, которые я прослужил.

Целую неделю я ходил в наряд по столовой, несмотря на свое нехорошее иногда самочувствие. Поздно вечером после наряда мы приходили и мерили температуру. В первый день, померив, меня отстранили от наряда из-за высокой температуры, но я у медсестры выпросился. Последующие дни я начал филонить с температурой, чтобы постоянно быть в столовой, и плохо держать градусник.

И в самый последний день февраля после липовой померки температуры мне сказали, что завтра меня выписывают. Когда-то это должно было произойти, но не хотелось об этом даже думать. Я был по своему состоянию еще больной, но, видимо, липовая мерка температуры только ускорила мою выписку.

На следующее утро я пришел сам к медсестре и сказал, что мое состояние ухудшилось. После мерки температуры, которая была около тридцати восьми, медсестра мне сказала, что документы уже готовы и ничего нельзя сделать. «Будешь долечиваться в санчасти у себя», – сказала она мне, и меня отправили переодеваться на вещевой склад.

Надев свою форму и осмотрев себя в зеркало, я наконец смог нормально оценить, что за дерьмо на мне надето, начиная осознать, что я сделал. Если берцы с меня сняли силой, то форму, по сути, я отдал свою сам. Хоть и была у меня сейчас температура, но чувствовал я себя лучше, чем тогда. Все-таки целый месяц я провел в госпитале, и под капельницей я пять дней лежал, и сотню уколов мне сделали. В этой форме я себя чувствовал лохом. Мне в ней было даже противно находиться. Обижаться я только мог на себя. Надо было все сделать, но ее не отдать, даже если и находился я практически в предсмертном состоянии, все-таки надо было подумать о будущем. И почему она мне показалась хорошей, когда на нее без слез не взглянешь, размышлял я сейчас в здравом рассудке, и не мог найти ответа.

В часть мы уже добирались своим ходом с медсестрой нашей части. Медсестра, конечно, увидела, что я в старой форме, но разбираться ей видимо не хотелось. Со мной еще выписались два человека. С одного сняли ремень, другой был без шапки. Каждого понемногу раздели.

Был ясный день, солнышко немного припекало. Уже наступила весна. Мы стояли на остановке и ждали рейсового автобуса. Настроение было дерьмовое. Очень не хотелось ехать в свою сержантскую учебку. Одно успокаивало, что я еще буду лежать долечиваться в санчасти.

Приехав в санчасть, я понял, что меня там не собираются оставлять. Я им: «Да у меня температура тридцать семь и шесть». «Как же тебя в госпитале лечили, – недоумеваю, спрашивал меня врач, – но ничего, у тебя четырнадцать дней освобождения от физических нагрузок». «Пока на пару дней я выпишу тебе постельный режим, полежишь в роте», – успокаивала меня уже медсестра. Я прекрасно понимал, что в роте мне лежать никто не даст, но делать было нечего.

За мной пришел сержант моего отделения. По национальности он был башкир. Увидев меня, он первым делом спросил, где моя форма. Я молчал. Ему врач сказал, чтобы два дня я лежал в постели.

Когда мы вышли из санчасти мне сразу он задал жесткий вопрос: «Ты, урод, ты куда форму дел? Я тебе дам сейчас постельный режим».

Как только пришли мы в роту, на меня все уставились. Мне хотелось сквозь землю провалиться. Башкир меня бил, а другие усмехались. Завели меня в каптерку, и там меня начал бить сержант Стамин. Мало того, что я за форму получил, так он мне еще и портупею (ремень) при-

писывал, которую он якобы мне тоже давал. «Форму я посеял, но ремень вы мне не давали», – оправдывался я. Долго мне еще пришлось и за ремень огребать.

После больших наказаний и разборок он достал мою бандероль, которую мне мама прислала в честь дня рождения. У меня навернулись слезы. Открыв бандероль, сержант Стамин увидел открытку и спросил: «Чего, день рождения было?» Я кивнул головой. Забрав весь шоколад и шоколадные конфеты, он мне отдал открытку с театральными леденцами. Сунув горсть конфет в карман, я остальной весь пакет раздал ребятам. Сержант Башкир по фамилии Валишин, увидев в каком я состоянии, отправил меня в кровать. Никому это, конечно, не нравилось, ни курсантам, ни сержантам. Все только надо мной потешались.

Рота пошла на ужин, но про меня никто не вспомнил, чтобы мне принести поесть. Только когда пришли, сержант подумал обо мне: «Ну ладно, ничего страшного, до завтра не умрешь». После ужина была репетиция, подъем по боевой тревоге. Лежа в кровати, надо по тревоге встать, на время одеться и вооружиться со всем обмундированием. Меня касалось это тоже. В первый раз я, кроме бронежилета, автомата и вещевого мешка, больше ничего не взял. Старший сержант Стамин подошел ко мне: «Где твоя каска?» – молчу удар мне в челюсть. – Где противогаз? Где масленка? Где мыльно-рыльные принадлежности?» За каждый невзятый предмет я получал сильный удар. На второй раз я взял все, кроме масленки, противогаза и мыльно-рыльных принадлежностей. Старший сержант уже зверел, глаза наливались у него кровью. Он был заместителем командира взвода, в котором я и был. И из-за меня наш взвод был самым последним по показателям. На третий раз я забыл масленку и мыльно-рыльные принадлежности. Старший сержант Стамин зашел в казарму, взял ПР (палка резиновая) и начал меня лупить ей. Конечно, я получал в принципе ни за что. Я должен был догадываться, где лежат мои мыльно-рыльные принадлежности, приехав только из госпиталя, где в комнате для хранения оружия и под какой ячейкой находятся масленка, противогаз. Я в это КХО (комната для хранения оружия) зашел в первый раз, и пойдя сразу разбери в суматохе, где что лежит и что именно надо взять. У курсантов на эту тему были занятия, а я лежал в госпитале.

Сержанты опускали меня по разному поводу. Никто нормально мне ничего не хотел объяснить. Когда я подходил к сержантам что-то спросить, надо мной либо смеялись, либо меня били. Сержант Башкир мне говорил, что откуда я такой тормоз взялся. Когда объявили, что первый взвод по боевой тревоге занял третье место, старший сержант Стамин совсем озверел. Первый взвод всегда был первым, а из-за меня он оказался самым последним. Он завел меня в каптерку и начал меня долбить еще сильнее. Последней его каплей оказался удар палкой резиновой мне по голове. Я потерял сознание и упал. Очнулся я практически сразу после нескольких ударов ногами по мне лежащему. Это было зверство. Еще, наверное, несколько ударов, и я бы точно выхватил штык-нож, который висел у него на ремне, и прирезал его. Терять было нечего. Лучше, наверное, было отсидеть, чем так выживать.

Конечно, я бы не сказал, что служба была невыносимой, куда я попал, и я без проблем при других обстоятельствах выдерживал эти бы тяготы, но обстоятельства сложились так, что в ненужный момент я оказался больным и лежал в санчасти и госпитале. Когда все уже были на стрельбах и за полтора месяца в учебке многому научились. Я же еще ничего не знал. Выходя из каптерки шатаюсь и проходя мимо своих курсантов в сторону кровати, я слышал много нелестных слов о себе. Я был один в этом мире. Лежа в кровати, я видел, что с другого второго взвода сержанты издевались над пареньком, который не мог на турнике ни разу подтянуться. Он висел, как сосиска, а сержант его побивал легонечко палкой резиновой. Он кричал, что больше не может, но сержант над ним измывался. Мне, конечно, это не грозило, так как подтягиваться я умел. Главная моя задача была побыстрее оклематься и наверстывать упущенное.

Каждый раз, когда сержант командовал взводу упор лежа принять, я вскакивал с кровати и начинал отжиматься вместе со всеми. После десяти отжиманий у меня затруднялось

дыхание и ломило в бок, но было улучшение налицо по сравнению с тем, каким я был перед госпиталем.

Следующий день у меня был последний с постельным режимом. На завтрак мне принесли еду в котелке, и я немного подкрепился. Днем все были на занятиях, а я спокойно отдыхал от этого беспредела. Выяснилось, что один курсант с моего взвода сбежал, не выдержав физических нагрузок и неуставных взаимоотношений. В этот день, когда я лежал, его и поймали офицеры и занимались им индивидуально. Он сдавал всех, кто его бил. Через несколько дней его переведут в другую часть.

Когда закончился у меня постельный режим, то мне приходилось заниматься уборкой помещения. От занятий я был освобожден. Как-то, выбежав вместе со всеми на занятия, чтобы обо мне плохо не думали, то меня увидела медсестра и сильно наругала сержантов. Курсанты обзывали меня каличем. Курсант Вистоусов один мне помогал советами, подсказывая, что нужно сделать, чтобы не попасть впросак. Каждое прохождение мимо сержантов у меня было с проблемами. Если девять сержантов не почешут об меня руки, то день для них был прожит зря. В холодную погоду удары по моему телу становились для меня очень болезненными. На обследовании в санчасти я врачу жаловался, что при дыхании у меня ломит в бок. «Это у тебя остаточное явление, и скоро все пройдет», – обещал врач.

Как-то за мою якобы провинность сержант начал меня индивидуально после отбоя качать. В упоре лежа я отжимался долго. После сорока раз мое самочувствие начало ухудшаться, пока я не рухнул на пол, схватившись за бок. Сержант, испугавшись, отправил меня спать. Было очень обидно, что у сержантов не было никакой жалости. Выздороветь было просто нереально в таких условиях.

На следующее утро после команды «рота, подъем!» я решил для себя, что надо косить. Температуры у меня не было, ходить я мог нормально, но от физических нагрузок мое состояние всегда становилось хуже, так как я начинал задыхаться, и от дыхания ломило в бок. Я начал, косить схватившись за бок и делая вид, что я сейчас подохну. Сержант меня повел в санчасть. Мне даже не смогли медсестры поставить диагноз. Все вроде у меня было в норме, но от греха положили меня в санчасть.

На следующий день при осмотре меня врачом из-за каких-то непонятных пятен меня отправили в палату к чесоточникам. В палате противно воняло мазью, которой мазались чесоточники. К этому запаху я быстро привык, и мазаться приходилось со всеми. Здесь был один большой плюс, что в эту палату никто не заходил из старослужащих. Нас никто не трогал. Мы жили сами по себе, и были какими-то отбросами общества. Все боялись заразиться этой болезнью. Уборка у нас была одна – это сортир, но меня это устраивало, и в сортире находилось кому убираться. Наконец я мог вздохнуть нормально и подлечиться. Чесотки, видимо, у меня никакой не было. Ничего не чесалось, но чтобы появлялись красные пятна, я колот иглой руки и чесал их специально.

С чесоткой лежали в санчасти примерно около недели. Ходишь, воняешь вонючей мазью, и к тебе никто не пристаёт. Даже принимали пищу мы у себя в палате, чтобы не заразить других. Лежало нас в палате человек шесть, и все молодые курсанты. Разговоры у нас были только о еде. Мы составляли планы, как ночью залезть в столовую санчасти, чтобы украсть хлеба с маслом, и нам это удавалось. Один курсант рассказал нам, как его отправляли сержанты на пряниковый завод за пряниками, который находился в пятиста метрах от части. Уж очень мне захотелось попасть на пряниковый завод и обожраться пряников. Вести должен был человек, который там уже был несколько раз. Он знал, как туда попасть и через какую дырку пролезть. Одна была проблема – как не заметно сбежать из санчасти и не нарваться на патруль. Решили вылезать через окно.

После отбоя, подождав, когда все утихнет, мы вдвоем отправились на движения. Вылезли через окно и поползли по снегу к забору. На белье, выданное в санчасти, была накинута только

шинель. В сапоги забивался снег. Патруль гулял в ста метрах от нас. Было немного страшно-вато, но голод превышал все страхи. Незаметно от патруля мы перелезли через забор и уже оказались за частью, шагая по сугробам в поле. Я слышал свой каждый шаг и вой ветра. Где-то вдалеке лаяли собаки. Пока мы шли, мне лезла дурная мысль убежать, а когда поймают, уже хуже точно не будет, посадят меня на губу, подумывал я. В роте я чувствовал себя отбросом общества. Все на меня смотрели с презрением. А в чем я был виноват, что заболел пневмонией и на полтора месяца выбыл из строя. Ни один сержант по-хорошему мне ничего не объяснил и нормально не показал, как надо себя вести в той или иной ситуации. Сочувствия я тоже ни от кого не дождался. Курсанты на меня все смотрели косясь и ухмыляясь. Каждый раз в мой адрес неслись разные оскорбительные реплики. Свой взвод я тянул по показателям назад. Каждое занятие или мероприятие для меня было впервые, или где-то у меня здоровье не позволяло для физических нагрузок. Об этом я шел и раздумывал, пока не дошли до пряничного завода.

Саша, с кем я пошел на движение, все знал. Подойдя к месту, он начал кидать снежки в окно. Женщина, открыв окно, начала ругаться. Мы ей: «Тетенька, дай покушать». Немного покричав на нас, она раздобрилась и кинула нам в пакете четыре пряника, закрыв окно. Саша, посмотрев на четыре пряника, проворчал: «Блин, тетка жадная попалась, как будто у себя из дома их взяла». Мы решили еще раз кинуть снежком в окно, но, увидев кулак и недовольный крик, поняли, что здесь нам ловить больше нечего. Еще раз посмотрев на пакет с четырьмя еще не остывшими пряниками мы без слов поняли, что их сейчас надо сожрать. Я своих два еще теплых пряника съел с такой жадностью. Хотелось еще. Я готов даже был стоять на коленях и умолять женщину, чтобы она нам дала еще, но ловить было нечего.

Саша предложил по приходу в санчасть сказать, что нам дали всего по одному прянику. Я сразу отменил эту версию. Зачем нервировать народ. Никто к нам не вышел, и ничего нам не дали. Ребята в санчасти ночью нас ждали и мечтали, что мы сейчас принесем большой пакет и наедемся свежих пряников. Мы шли обратно пустые. Принести четыре пряника и разделить на шесть человек был тоже не выход. И потом еще бы ребята думали, что четыре принесли, а десяток сожрали.

Обратно я шел по полю, уже не думая о побеге из части. Сладость во рту еще присутствовала. Будем выживать дальше, а там будет видно. Если будет невыносимо, место, где перелезть через забор, я уже знаю. Обратно, постучав в окно санчасти, нам открыли, и мы перелезли в окно к себе в стационар. Ребята голодными глазами спрашивали, где пряники. Мы, разведя руками, рассказывали басню, придуманную мной. Ложился я в свою кровать уже сладко.

«Красиво жить не запретишь», – сказал дух, стащив у деда пряник.

Утром, как всегда, после завтрака нас направили на уборку сортира. Очки, конечно, я старался не чистить, были и так добровольцы, но пол в туалете мыть все-таки приходилось. Синяки у меня постепенно заживали, и тело приходило в норму. Нас старослужащие боялись трогать, чесоточников, только если пнут ногой один раз, но это было не смертельно.

За окошком все чаще светило солнышко, снега становилось все меньше, и весна вступала в свои владения. Из пяти месяцев, которые я должен был провести в учебке, оставалось два с половиной. Уж как-нибудь выдержу, думал я, лежа на кровати, но, конечно, о звании сержанта я уже даже думать не мог и был уверен, что мне не дадут из-за больших пропусков учений.

На следующий день мой курс лечения чесотки заканчивался. Ребята начали искать повод, чтобы загаситься. У одного получилось, оказался гастрит. Я тоже этим страдал от этой армейской баланды. У меня был жидкий стул, и я решил сдать анализы. Еще на два дня меня задержали в санчасти. Каждый день был очень дорог для меня. Это лишнее сэкономленное здоровье.

Самочувствие мое практически нормализовалось, и чувствовал я себя хорошо, и мозги работали лучше. Я себя настраивал на позитив. Я должен был доказать, что я нормальный пацан, а не какой-то чмошник.

Выписавшись из санчасти, я получил от каждого сержанта по несколько оплеух, высказав мне, какой я калач и как я вообще попал в армию. Каждый курсант, проходя мимо меня, что-то говорил другому, ухмыляясь. Один курсант, по фамилии Целищев, был мерзким и скользким. Он мне сразу не понравился, еще когда только мы попали в учебку.

– Ну чего мы опять из-за тебя, из-за чмошника, страдать будем.

Я ему в ответ:

– Ты рот свой закрой, сам ты чмошник.

Он не ожидал от меня такой прыти и решил меня ударить, но в ответ получил более сильный удар. Драка не завязалась, так как сержанты дали команду строиться. Первый день мой после санчасти в роте прошел быстро. Ночью меня поднимает сержант Моляров и дает конспекты, чтобы я переписывал. Каждый сержант, каждый день на разводе должен их был показывать командирам, как он подготовился к занятиям для учения курсантов. Я сразу понял, что это бессонные ночи, увидев, как другие вместо сна пишут конспекты по два-три часа, а бонус только один – освобождение от зарядки.

– Товарищ сержант, у меня вообще почерк плохой, я очень плохо пишу, – оправдывался я.

Моляров мне:

– Да и хрен с ним, с почерком, лишь бы было написано. Переписывай здесь, – говорил мне сержант.

Я, включив дурака, в его тетради начал такие буквы писать, что он просто был в шоке от моей писанины и послал меня спать, ударив меня в челюсть. Для меня это было самым хорошим вариантом, и я довольный лег в кровать.

Утром на зарядке я уже мог нормально бегать. Здоровье позволяло, был от болезни небольшой дискомфорт, но меня это уже радовало. На занятиях: на изготовке к бою, надевании ОЗК (общевоинской защитный комплект), рытье окопов и так далее – я был новичком в отличие от других. Как меня сержант Башкир учил изготовке к бою, я думал, что у меня расколется голова. Каждая неправильная изготовка, и я получал прикладом автомата по голове. Сначала он бил по каске, надетой на мою голову, а потом, взбесившись, долбил уже по моей голове. За одно занятие я получил ударов в челюсть и в голову раз пятьдесят. Так сержант Башкир развлекался.

Каждому сержанту всегда хотелось надо мной приколоться. Шоу, как правило, из меня не получалось. Я просто тормозил в учениях из-за пропусков занятий, но кому-то, как курсанту Степанову, доставалось больше. Его каждый день заставляли висеть на турнике, чтобы он хотя бы раз подтянулся, и долбили палкой резиновой. Он, конечно, плакал и кричал, что больше не может, а сержанты над ним издевались. Тут сержанты вспомнили про меня, раз я весь больной, то, наверное, тоже подтянуться не могу, думали они и позвали на турник. Подтянувшись раз восемь, они поняли, что со мной эти приколы не пройдут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.